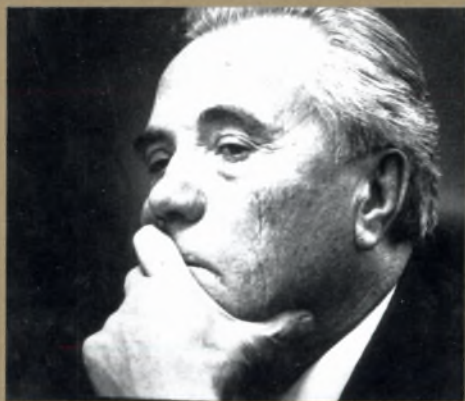

АСТАФЬЕВСКИЕ

(ДЕТСКО-ЮНОШЕСКИЕ)

ЧТЕНИЯ

Мемориальный музей-центр
истории политических репрессий
«Пермь-36»

АСТАФЬЕВСКИЕ

(ДЕТСКО-ЮНОШЕСКИЕ)

ЧТЕНИЯ

Восьмые чтения

25 ноября – 3 декабря 2012 г.

Тема: «ДУХОВНОЕ И НРАВСТВЕННОЕ
СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА.
МИР ДЕТСТВА В СУРОВЫЕ ВРЕМЕНА»

Пермь 2013

УДК 821.0
ББК 83.3(2Рос-Рус) 6-8
А 91

«Духовное и нравственное становление человека. Мир детства в суровые времена» – такова тема 10-х юбилейных Астафьевских чтений, проведенных Мемориальным музеем-центром политических репрессий «Пермь-36» совместно с Государственной краевой универсальной библиотекой им. А. М. Горького и Центральной городской библиотекой им. А. С. Пушкина.

В основе нынешних Чтений, ориентированных в большей степени на подрастающее поколение, автобиографическая повесть В. П. Астафьева «Последний поклон», представляющая собой цикл рассказов, посвященных трудным годам детства будущего писателя, периоду становления его личности и воспитанию войной.

В данный сборник вошли лучшие исследовательские работы и эссе участников Юношеской секции Чтений – учащихся школ и лицеев Перми, Чусового, Кунгура, Вологды, Красноярска, Игарки, Железнодорожска и других городов и поселков РФ. Эти работы также будут размещены на созданном в рамках Чтений сайте, посвященном жизни и творчеству великого писателя XX века (<http://www.astafiev.perm36.org>).

Сборник адресован широкому кругу читателей: учащимся и студентам, литературоведам, историкам, преподавателям, библиотекарям, кому интересны жизнь и творчество В. П. Астафьева и не безразличны исторические судьбы России

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства культуры, молодежной политики и массовых
коммуникаций Пермского края, Министерства образова-
ния Пермского края и Департамента культуры и молодеж-
ной политики администрации г. Пермь**

© Мемориальный музей-центр истории
политических репрессий «Пермь-36», 2013
© Издатель И. Максарова, 2013

Глеб Макаров
Руководитель Л. Л. Туркулешкая

Животворящий свет детства

К своей бабушке – Екатерине Петровне Потылицыной – Витя Астафьев попал в возрасте семи лет после трагических событий: отца посадили в тюрьму за «вредительство», а мама, в очередной раз навешая его в тюрьме, погибла. Подка, в которой она плыла, перевернулась, Лидия Ильинична зацепилась косою за сплавную бону и утонула. Заступницей и кормилицей мальчика стала его бабушка.

О детстве, проведенном с ней, Виктор Петрович рассказал в автобиографической повести «Последний поклон». Перед читателем встает образ пожилой деревенской женщины, смело, решительно ведущей большое и не очень складное семейство через жизненные невзгоды. Память писателя воскрешает не только внешний облик, но и отчетливо звучащий голос бабушки – то ласковый, то ворчливый, то песенный.

Суровый характер был у астафьевской бабушки, ведь не зря ее в деревне звали «генералом». Но запало в душу маленькому Витке ее необыкновенное умение даже в тяжелый час заботиться о других. Голодно в деревне, самим есть нечего, а она несет в дом брошенного щенка («Ангел-хранитель»). Обманул ее внук, но желанного пряничного коня с розовой гривой она ему все же купила («Конь с розовой гривой»).

Лучше самого В. П. Астафьева никто не выразит его отношения к своей бабушке-спасительнице: «Бабушка, бабушка, виноватый перед тобою, я пытаюсь воскресить тебя в памяти, рассказать о тебе людям. Нет у меня таких слов, которые передали бы всю мою любовь к тебе!»

А стал бы Виктор Петрович Астафьев таким известным, самобытным, по-настоящему народным писателем без своей бабушки? Писателем он, конечно, бы стал, но могли не появиться такие рассказы, как «Васюткино озеро», «Монах в новых штанах», «Конь с розовой гривой» и другие, в которых он описывает свое детство.

«Животворящий свет детства согревал меня» – именно это отразилось на всем творчестве нашего великого земляка, прославившего суровый сибирский край на весь мир.

Иван Смертин
Руководитель М. С. Ушакова

«Раз его заманула река, то уж обратно не доревешься»

Решил прочитать повесть Виктора Петровича Астафьева «Последний поклон». Как только дочитал до рыбацких сцен, сразу подумал: сам люблю рыбалку, об этом, наверно, и буду писать.

Переживаю вместе с героями Астафьева и завидую им: «Под вечер мужики с громким говором, возбужденные предчувствием рыбалки, требующей ловкости, сметки и быстроты, отправились на реку и отбыли в двух лодках к острову, чтобы от приверхи его сделать первый замет сетей. Никого из ребят мужики с собой не взяли, и это было мне сильно огорчительно. Любил я участвовать в азартной и хитрой рыбалке плавными сетями». Абсолютно согласен с автором в том, что рыбалка требует ловкости, смекалки, это – дело азартное и хитрое. Не терпит рыбалка равнодушия, иногда такие эмоции переполняют тебя, только держись!

Расскажу о себе. Как-то раз я пришел на рыбалку и там рыбачил еще один парень. Как только я закинул, у меня сразу начались поклевки, и я начал вытаскивать рыбу одну за другой, одну за другой, а у этого парня ничего не клевало... Какую зависть он испытывал! В конце концов решил, что у меня удочка такая, заколдованная что ли, что на нее клюет, и предложил мне поменяться. Ну я, конечно же, согласился, ведь у меня удочка была деревяшка деревяшкой, а у него те-ле-ско-пическая, о которой я давно мечтал! Обмен состоялся. На следующий день снова пришли на рыбалку, но ситуация не изменилась, у него все равно не клевало. Вот так у меня и появилась моя первая телескопическая удочка, после которой у меня их было много, но эту удочку я не забуду.

Когда читаю рассказ «Ночь темная-темная», переживаю вместе с автором: «Рыбачить я начал рано, на пятом году. По берегу

Енисей всегда лепилось полно ребятишек с удочками, и я страдал подле них, завидовал им. Иной раз мне давали поддержать удочку, либо поручали уцепить на прут выуженного ерша, пескаришку, поплевать на червяка, вздетого на крючок».

Виктор Петрович Астафьев с большим знанием дела пишет о рыбалке, сразу видно, не новичок он в этом деле, разбирается, что к чему.

Читаем рассказ дальше: «Пристал я к бабушке, чтобы и мне удочку соорудили. Она сначала и слышать ничего не хотела, но я так прилип к ней, так ей надоел, что она плюнула, привязала к палке кудельную нитку, вместо грузила ржавый гвоздь на конец лески узлом прихватила червяка». И отправила на рыбалку без крючка, с убеждением: «У хорошего рыбака и так клюнет».

Настоящий рыбак расширяет свои «владения». То же происходит с Витькой и с моими друзьями. Рыбалка далеко от дома – нештучное беспокойство для домашних. У Астафьева – это бабушка: «С этого началась моя рыбацкая жизнь и кончился бабушкин покой. Я норовил все дальше и дальше убегать от села, потому как думал – чем дальше, тем рыбы больше, и, когда однажды потихоньку утянулся на мельницу и зарыбачил под плотиной пару хариусов, вышло у нас с бабушкой столкновение. Она хотела поломать мою удочку, а я не давал. Рев и вой были на весь двор. Удочку я спас». Думаю, прав был рыбак Ксенофонт, озвучив «приговор» Витьке и всем увлекшимся рыбалкой, сказав бабушке Катерине Петровне: «Не ори! И не свирепствуй! Раз его заманула река, то уж обратно не доревешься». Из своего опыта могу сказать: мне тоже вскоре надоело рыбачить на нашем деревенском пруду, и я начал ходить на рыбалку в соседние деревни.

Есть, конечно, у каждого рыбака любимая рыба, но хочется узнать характеры разных рыб, особенности их ловли. Вот и Виктор Петрович подтверждает мою мысль: «Однако таскать пескарей, сорожин и ельчишек мне скоро прискучило. Захотелось на настоящую ночную рыбалку – поналимничать». Мой одноклассник говорит: «Я много разных видов рыбы ловил, но больше всего я хочу поймать леща или хотя бы подлещика». О вкусах не спорят... Астафьев доказывает и обобщает аппетитно: «Уха из налима в нашем селе почитается пуще всякой другой, хотя чалдоны в рыбе толк знают и чего с чем есть – очень даже хорошо разбираются. Говорят, для налима в верховьях Енисея особый нагул. Уже в низовьях он не тот, суховат он там, тиной припахивает».

вает». Вообще налим Астафьев отводит важное место. Главное здесь, наверно, рыбацкое братство, особенно когда оказывается честь – тебя берут с собой более опытные и более старшие товарищи: «Какое это было счастье, когда брали меня мужики с собою налимничать! Да брали-то неохотно. Холодны еще весенние ночи, вода высокая – смоем малого рыбака с берега, унесет, и отвечай потом за него перед бабушкой и дедушкой. Да и побавивались, кабы не сморился к утру рыбак, не захныкал бы от холода, домой бы не запросился в разгар утреннего клева». А если один раз не выдержишь, надолго будешь наказан – не будут брать с собой. Меня тоже иногда брали с собой на ночную рыбалку, но это когда мне было уже лет 12. Мама меня тоже неохотно отпускала, но все-таки отпускала, ведь со мной был старший брат. Совершенно согласен с Астафьевым, что ночная рыбалка – незабываемое событие: «Никогда не забыть мне весенние ночи у пикетного поста!»

Иногда любовь к рыбалке граничит с большой опасностью. Эпизоды в рассказе «Ночь темная-темная», конечно, интересны, увлекательны, но читаешь и переживаешь за героев. Переводишь дух, когда понимаешь, что все обошлось. Я говорю о случае, когда Витька уговорил плыть на лодке по опасной реке Саньку и Алешку. Каждый из них пережил трудные минуты, боялся за себя, за товарищей, родных. Мальчишки чуть не утонули, спасая друг друга, но выстояли. Проявили прямо-таки бойцовский характер. Действительно, разойдешься тут, когда первый раз почти поймалешь огромную рыбу, дотоле тебе неизвестную! В данной ситуации это был таймень. Сам Витька удивляется себе, как рыба зарядила его: «Обормот большеголовый! – орал я на Алешку. – Такой тайменище ушел! А он – баба! Ты че сидишь? – взелся я на Саньку. – Завяжи руку, и станем животник распутывать... Расселись тут... Рыбаки! Другой раз свяжусь я с вами!»

Вот что делает рыбалка. Она выявляет неожиданно силу характера: «Первый раз в жизни возвысился я над Санькой, командовал им, и он – куда что делось? – подчинялся мне как миленький и даже несмело попытался утешить». Хорошо, что все обошлось. Читаешь и задумываешься, что надо быть осторожней, быть при необходимости настойчивым, решительным, уметь брать ответственность на себя...

А как захватывающе Астафьев пишет о зимней рыбалке! («Красиная погибель») Я о ней многого сказать не могу – нет опыта.

Буду наблюдать за героями и учиться у Астафьева, правда, не все понятно, да и условия у нас здесь другие, но все-таки эти знания, надеюсь, будут полезны хотя бы в плане воспитания крепости характера.

Эмоции просто захлестывают и тут только следить за словом Астафьева остается: «О, миг счастливый, сладкий!» – пел в кино артист женщине, разряженной в пух и прах, валясь перед нею на колени. Ни шиша он, тот артист, не ведает, не понимает! Порыбачил бы хоть раз, поводил бы рыбину на леске, вот тогда и узнал бы, что такое настоящий «миг»! Не чудо ли?! Не колдовство ли! Зима кругом, стужа, снег толсто на льду лежит, все обмерло, остановилось, а тут, ровно бы из преисподней, возникают недовольные налимьи хари. Дед отцепляет рыбин и небрежно, даже с сердцем, отшвыривает их в снег. Возьмется пьяно в снегу поселенцы, вымажутся ровно бы в известке и так, с непокорно загнутым хвостом, и остынут. А тут возьми да еще событие наступи – налим в лунку не пролезает! Событие так событие. Дергать подпуск нельзя – оборвешь фильдеперсовое колечко, но отпускать налимиша не хочется. Дух во мне занялся. Дед всякую спесь утратил, бесом вокруг лунки крутится, хлопает себя по коленям, отпнул меня в сторону, на брюхо упал, руку в прорубь засунул, изучая «подходы», затем, молодецки ахая, раздалбливал прорубь. Я рыдал: «Дедонька, миленький, не обрежь! Не обрежь!..» – «Не базлай под руку!» – демонским огнем пылал глаз деда, того и гляди завезет. Я отпрянул в сторону, но скоро опять плясал возле лунки, отребал голыми руками лед, не чуя никакого мороза, о чем-то молил деда, подавал ему разные советы. Любил ли я деда? Не знаю. Не берусь судить о таком сложном чувстве, не под силу мне это. Но в тот счастливый миг, когда, не обрезав подпуска пешней, потянул и выволок дед огромного поселенца на лед и сам в изнеможении сел тут же, я обожал деда, я готов был его обнять, расцеловать и не знаю, что еще сделать. Налим, изогнувшись дугой, лежал брюхом в снегу, яростно и устало шевелил жабрами, с недоумением тараща на нас сытые, наглые кругляшки глаз, белеющих от мороза. Как это так? Плавал-плавал в полной безопасности, подо льдом, икру метал иль молоками икру поливал, терся брюхом о песок, собирался подзакусить мелкой рыбешкой после утомительного труда и вот попался! Никакого, значит, спасения нет нашему брату и подо льдом!» Не сцена – загляденье! Как наяву! Уже хочется на

зимнюю рыбалку, хотя одноклассники пишут, что летняя рыбалка лучше. Наверно, они не читали Астафьева...

В рассказе «Где-то гремит война» мы видим повзрослевшего Витьку, который заглянул ненадолго домой, вернее, он стоит у сохранившегося навеса, где «меж досок засунуто сосновое удилище с оборванной кудельной леской. Вершинка у него не окорена – это мое удилище. Я всегда оставлял кору на вершине, чтоб крупная рыба не сломала. Столько лет хранилось!» И нахлынут воспоминания...

Вот такое дело – рыбалка: увлечение, идущее с нами по жизни, выявляющее многие наши качества, проверяющее на прочность, объединяющее нас похожих и разных... Виктор Петрович Астафьев очень много интересного и захватывающего сказал о рыбалке и еще раз подтвердил: *«Коли уж попался на уду – не сорвешься...»*

Росина Старцева

Руководитель С. Б. Моисеенко

Сибирские говоры как часть культуры народа

Среди школьных предметов одним из моих любимых является «Литература Красноярского края». Интересно читать о своей родной земле, своих земляках.

Среди всех прочитанных произведений больше всего мне понравилась повесть В. П. Астафьева «Последний поклон». Книга меня очень увлекла, хотя читать ее было трудновато из-за многих непонятных для меня слов.

Оказалось, что непонятные на первый взгляд слова – это диалектизмы или говоры, то есть местные разновидности русского языка. В отличие от литературного языка, говоры известны и используются не повсеместно, а лишь на той или иной территории.

В русском языке принято выделять два главных наречия – северное и южное.

Севернорусское наречие составляют местные говоры, для которых характерно оканье, [т] – твердый в окончаниях глаголов третьего лица единственного и множественного числа настоящего и будущего времени, [г] – взрывной.

Южнорусское наречие составляют говоры, для которых характерно аканье, [т'] – мягкий и [г] – шелевой.

Все диалекты с лингвистической точки зрения равноценны. Русские диалекты на протяжении вот уже двух столетий изучаются и записываются. Для этого организуются специальные диалектологические экспедиции.

За последние десятилетия накоплено множество новых сведений. На их основе созданы «Диалектологический атлас русского языка», «Словарь русских народных говоров», различные областные словари.

Моя мечта – принять участие в настоящей диалектологической экспедиции в какой-нибудь отдаленный уголок моей «малой родины», чтобы лучше узнать мой край, его историю.

Язык является составной частью культуры народа. В последнее время наблюдается процесс засорения русского языка иностранными словами и ненормативной лексикой. Поэтому проблема сохранения русского языка стоит сейчас особенно остро, и касается она каждого человека.

В. П. Астафьев – писатель-сибиряк, мой земляк. Изучая его произведения, мы лучше узнаем свою историю, свои корни. А наши корни – это наша культура, наш язык.

В процессе работы над языком автобиографической повести В. П. Астафьева «Последний поклон» мы увидели, что в словаре писателя и его героев очень много диалектных слов. Наибольшим разнообразием отличается лексическая группа.

«Пока нашли в жалице заворину, пообстрекались оба с бабушкой.» Здесь нас заинтересовали два слова: «жалица» и «пообстрекались», ведь в обоих случаях речь идет о крапиве. «Жалица» – название крапивы в сибирских говорах – происходит от «жалить», «колоть, ранить жалом». Крапивное жало – это обжигающие волоски на ее стебле и листьях. «Стрекава» – тоже название крапивы в псковских, новгородских, калининских и других областях северо-запада России. Связь «стрекавы», «стрекивы», «стрекиши» с глаголом «стрекать», т. е. «жечь, жалить», очевидна.

Интересно сибирское название цветка купальницы «жарок». Идет оно от цвета растения – яркого, «жаркого».

«Колба» – сибирское название черемши, «гонобобель» – голубики; «алябушник» – это непропеченный хлеб, «огородина» – название всего, что растет в огороде. «К осени не житье – благодать:

где гороху, где бобов, где морковки, где брюкву иль репу промыслить – интерес большой утянуть огородину».

«Студень» (холодец) – гордость стряпух, чуть только жирком подернутый сверху, колыхнулся при появлении гостей в горнице и дрожью дрожит, прозрачен, легок на вид, но резать его ножом надо.»

«Хлебало есть, а хлебова тю-тю» (Рот есть, а еды нет.) «Поельцовать» – порыбачить, половить ельцов.

«Пихтач» – пихтовый лес, пихта.

«Зимогорить» – зимовать.

«Рукотерник» – полотенце для рук.

«Катанки» – другое название валенок, происходит от способа изготовления («катают» шерсть).

«Лохмашки» – рукавицы из шкуры собаки. Лохматые – поэтому и «лохмашки».

«Одр» – конь, лошадь. «И эта Лысуха, эта ведьма с гривой! Приобрели одра ошептанного, покуль ее лупишь, потуль и везет!»

«Карачун» – конец, смерть. «Был бы разорителю карачун, да наделся он рубахой на сук, швы у холшово́й рубахи крепкими оказались. Сняли мужики Саньку с дерева, наподдавали, конечно.»

«В артеле же все шло на растатур (наперекосяк, значит): пашни зарастали, мельница с зимы стояла, сена поставлено с гульки́н нос.»

«Сам» – муж. «Вот у меня сам-то черта самого самовее.»

«Осаврасить» – остепенить. «Дед вот какой смирный сделался – осаврасила «сяма» и его. И впрямь не у всякого жена Марья, а кому Бог даст!»

А как вы думаете, какое значение может иметь слово «растворожу»? Уверена, что догадаются не все. Смысл становится понятен из текста: «Я те рожу растворожу, зубы на зубы помножу!»

И эти примеры – только маленькая частица яркого, образного языка писателя и его героев.

В русских говорах двойных предлогов значительно больше, и встречаются они чаще: **по-над, по-под, по-за**. В подобных случаях в литературном языке используется лишь вторая часть такого предлога: под горою, за хлебом. Двойные предлоги наиболее часто встречаются в русских говорах к северо-востоку и юго-западу от Москвы.

В сибирских говорах с помощью суффиксов – ее, ше, ней,

че – образуются простые формы сравнительной степени прилагательных. Например: ловчее, красивше, могутней, хорошеньче.

Интересно образование глаголов совершенного и несовершенного вида: здесь происходит замена приставок **за, с, на** на **у**: уманивал, уплавили, удумали; **с** на **з**: изварилось.

Характерно прибавление приставки **с** к начальной форме глагола совершенного вида: спокинул.

В образовании наречий мы увидели влияние южного наречия с характерным для него аканьем: **теперича, поскоренча**.

Интересными нам показались и такие наречия: **мимоходно, жалобливо, ноне, утресь, покудава, покуль, потуль**.

В ем, ихней, имя, самое – местоимения, наиболее часто встречающиеся в речи героев книги.

Много необычного мы заметили и в образовании форм имен существительных:

а) окончание существительных в родительном падеже третьего склонения множественного числа:

мышов (как у существительных мужского рода второго склонения: **столов, цветов**);

б) окончание существительных в родительном падеже второго склонения мужского рода множественного числа: **змеев, рублев**;

в) окончание **я** в начальной форме существительных третьего склонения: **жизня**. (Это явление, вероятно, тоже связано с южнорусским аканьем);

г) образование формы множественного числа существительных первого склонения: **слезьми**. (Можем предположить, что такая форма создана аналогично форме творительного падежа существительных, имеющих только множественное число – людьми);

д) образование формы творительного падежа множественного числа существительных второго склонения мужского рода: **глазьями**.

Таким образом, изучив язык повести В. П. Астафьева «Последний поклон», проанализировав диалектологический словарь писателя, мы обнаружили в его языке и языке его героев влияние как северных, так и южных говоров.

Говоры Сибири – говоры вторичного образования. В наш край переселялись люди из самых разных мест. Население сме-

шивалось, а значит, смешивались и диалекты, рождались новые говоры.

Говоры Сибири принадлежат к среднерусскому наречию. В них можно встретить характерные особенности обоих наречий.

Так, например, в грамматике сильно влияние северных говоров, но сказывается влияние и южных: склонение частей речи среднего рода, например, существительных женского рода: **таку чуд[у]**. Ученые считают, что это связано с южнорусским аканьем; с аканьем, возможно, связано и образование некоторых наречий: **теперича, поскоренча**, а также некоторых форм существительных: **жизня**.

Уникально склонение некоторых существительных: **змея – змеев, рубль – рублей, слез – слезьми**.

Интересными нам показались и такие явления, как стяжение двух рядом стоящих гласных в глаголах: н[а]деколонюсь; стяжение согласных: ре[м]атизм, арти[с]; замена согласных: ута[ш]ил, пи[ш]а, пу[ш]ай, ру[п'], сл[л]обода, ан[ч]ихрист, [ф]улюган, [с]кусный, [ч]еплять; образование сложных слов: благословение, самоглавного, дурноматом; выпадение начальных гласных в некоторых словах: **малированная кастрюля, рестант**, а также наше родное чеканье: [ч'о], [нич'о].

Своеобразие языка героев книги, языка писателя и в целом языка моего родного края заключается в гармоничном сочетании в нем общерусских слов, а также слов северного и южного наречий русского языка.

Местные говоры придают русской народной речи сочность и образность. В них и до настоящего времени сохраняются многие самобытные слова, образные выражения, пословицы и поговорки, которые обогащают русскую речь.

Итак, предпринятая нами своеобразная диалектологическая экспедиция стала настоящим открытием. Открытием мира В. П. Астафьева, его героев. Открытием моей «малой родины» – Сибири. Теперь мне стало понятно, почему «Последний поклон» называют завещанием писателя. Мудрый человек, проживший долгую жизнь, не только отдает последний поклон, последнюю дань своему самому близкому человеку – бабушке, но и завещает нам беречь и любить свою землю, свой дом, своих родных. А без чувства языка не может быть любви к «малой родине», где мы родились и живем и которая всех нас роднит и объединяет.

Екатерина Калашникова
Руководитель М. Г. Пьянкова

«И вижу свой двор, бабушкин...»

Писатель назвал повесть «Последний поклон» самой сокровенной своей книгой. Это повесть прощенья и прощанья, потому что не будет повторения детских радостей, обид и той любви, бескорыстной и преданной, которой, как солнцем, был обогрет герой Астафьева.

«...Моя жизнь клонится к закату», — размышлял писатель грустно и тихо. И до самого своего ухода будет он отдавать земные долги, всех вспомнит, отблагодарит, простит и запечатлеет, чтобы никто не исчез из мира бесследно.

«Зорькина песня», «Запах сена», «Конь с розовой гривой», «Монах в новых штанах», «Ангел — хранитель», «Последний поклон» — все эти рассказы словно небольшие эпизоды из жизни маленького мальчика Вити Потылицына. Вместе они составляют автобиографическую повесть «Последний поклон». Виктор Петрович Астафьев в одном из предисловий к книге писал: «Каждый человек неповторим на земле, и убежден я, что каждая травинка, цветок, дерево, пусть они и одного цвета, одной породы, так же неповторимы, как и все живое и живущее вокруг нас».

Эту неповторимость дарит человеку его связь с природой, с родителями, со школой, с друзьями. Именно об этом узнаем, читая замечательные произведения о трудном и суровом, но прекрасном времени детства писателя. Невольно задумываемся о том, как мужественно преодолевали жизненные невзгоды не только взрослые, но и дети, такие, как главный герой повести «Последний поклон».

Не менее важен для понимания произведения детский взгляд главного героя Витьки Потылицына. У него свое непосредственное восприятие мира — наивное и доверчивое. Особенно ярко это выражается в его отношении к окружающим. Через Витю Потылицына узнаем мы об учителе, которого глубоко уважали деревенские бабы и любили ученики («Фотография, на которой меня нет»). Повествование идет взволнованно, лирично, трогательно.

«...лицо учителя, хотя и малоприметное, не забыл до сих пор, было оно бледновато по сравнению с деревенскими, каленными ветром, грубо тесанными лицами. Прическа у него под «политику» – волосы зачесаны назад. А так ничего больше особенного не было, разве что немного печальные и оттого необыкновенно добрые глаза, да уши торчали, как у Саньки левонтьевского. Было ему лет двадцать пять, но он мне, конечно же, казался очень взрослым и очень солидным человеком».

«Как он много знал! И что кольца у дерева – это годы его жизни, и что сера сосновая идет на канифоль, и что хвоей лечатся от нервов, и что из березы фанеру делают, из хвойных пород – он так и сказал, – не из лесин, а из пород! – изготавливают бумагу, что леса сохраняют влагу в почве, и жизнь речек.»

И не удивительно, что в конце рассказа от лица В. П. Астафьева звучит высокое слово похвалы в адрес его первого учителя: «Фамилию учителя можно и забыть, важно, чтоб осталось слово «учитель»! И каждый человек, мечтающий стать учителем, пусть доживет до такой почести, как наши учителя, чтоб раствориться в памяти народа, с которым и для которого они жили, чтоб сделаться частицей его и навечно остаться в сердце, даже таких нерадивых и непослушных людей, как я и Санька».

Главный герой открывает для себя мир человеческих взаимоотношений: учится состраданию и любви у своей бабушки, сердце которой «такое большое, что обо всех... болело и болит оно»; впитывает традиции уважительного отношения к старшим, принимает на себя обязанности помогать взрослым в их нелегком крестьянском труде, сызмальства понимает, что «в любом деле не слово, а руки всему голова».

«Ой, бабонька! От полноты чувств я обнял ее за шею и пободал голову. Я глядел на мою бабушку, дивился тому, что у нее тоже были тятя и мама, глядел на ее больные, рабочие руки в жилках, на морщинистое, с отголоском прежнего румянца, лицо, на глаза ее зеленоватые, темнеющие со дна, на эти косицы ее, торчащие, будто у девчонки, в разные стороны, – и такая волна любви к родному и до стоноты близкому человеку накатывала на меня, что я тыкался лицом в ее рыхлую грудь и зарывался носом в теплую, бабушкой пахнущую рубашку. В этом порыве моем была благодарность ей за то, что она живая осталась, что мы оба есть на свете и все-все вокруг нас живое и доброе» («Монах в новых штанах»).

«Хороший все же человек – бабушка! Генерал, конечно, однако раз она такой уродилась – уж не переделаешь» («Запах сена»).

А вот проникновенные и удивительные слова о том, как пела Екатерина Петровна: «Бабушка запевала, стоя, негромко, чуть-чуть хриповато... у меня почему-то сразу же начинало коробить спину. И по всему телу россыпью колючей пробежал холод от возникшей внутри меня восторженности. Чем ближе подводила бабушка запев к обшеголосью, чем напряженной становился ее голос и бледнее лицо, тем гуще вонзались в меня иглы, казалось, кровь густела и останавливалась в жилах». «Песня про реченьку протяжная, величественная. Бабушка все уверенней выводит ее, удобней делает для подхвата. И в песне она заботится о том, чтобы детям было хорошо, чтоб все пришлось им впору, будила бы песня только добрые чувства друг к другу и навсегда оставляла бы неизгладимую память о родном доме, о гнезде, из которого они вылетели, но лучше которого нет и не будет уж никогда» («Бабушкин праздник»).

Витя Потылицын уже с детства учится внимательно и заинтересованно вглядываться во все, что его окружает. Целый мир он видит в одном стволе лиственницы:

«...дырки, продолбленные дятлами, и в каждой дырке кто-нибудь живет и трюкает, то жук какой, то птичка, то ящерка»;

«...вот туман по грудь нам, по пояс, до колен, и вдруг навстречу из-за дальних увалов полоснуло ярким светом, празднично заискрилось, заиграло в лапках пихтача, на камнях, на валежинах, на упругих шляпках молодых маслят, в каждой травинке и былинке».

Слышит, как жалуется дерево:

«...нескончаемо длинным плачем, идущим по корням из земли. Долго еще звучал во мне деревянный стон, слышны только в дупле лиственницы. Я теперь знаю: дерево тоже умеет стонать и плакать нутряным, безутешным голосом» («Монах в новых штанах»).

Чувствует:

«...не будь дерево такое большое, оно б давно уже умерло, а это еще живет, трудно, с маятой, но живет...»

Радуетя звонкому и чистому голосу птички-зорьки:

«Нас провожали и встречали птичьи голоса». «А птицы все так же громко и многоголосо славили утро и солнце, и зорькина песня, песня пробуждающегося дня, вливалась в мое сердце и звучала, звучала, звучала...» («Зорькина песня»). Или вот еще: «...сбежал к реке, попил из ладошки студеной енисейской водицы.

От радости, бурлившей во мне, бросил камень в воду, потом другой...»

В целом в повести преобладает ликующая, радостная тональность. Счастливое и благодарное отношение к жизни несет, в первую очередь, сам Витька Потылицын:

«Затянул и я песню про природного пахаря, и по распадку мячиком катился, подпрыгивал на камешках и осыпях мой голос...». «Как тепло вокруг, зелено, шумно, весело! Хорошо-то как! Каждая блошка, муравьишко, пичуга, каждая мошка заняты делом».

Наиболее часто встречается в рассказах описание стола как предмета, олицетворяющего жилой дух дома, семейственность, достаток, дружбу, согласие и взаимопонимание.

Стол как олицетворение достатка в доме:

«Бабушка застелила стол праздничной скатертью и наставила, наставила... варенье черничное, и брусница, и сушки, и лампасейки, и пряники городские, и молоко в нарядном сливочнике» («Фотография, на которой меня нет»).

А вот еще: «На столе быстро прибрали, поправили скатерть, добыли новую четверть из подполья, и гулянка пошла дальше. Шаньги, печенюшки, мясо так, мясо этак. Малосольная стерлядь, верешага-яичница, сладкие пироги, вазы с брусникой, еще прошлогодней, вазы с вареньем черничным, еще позапрошлогодним, хворост, печенье, сушки, орешки, из теста нажаренные!.. («Бабушкин праздник»).

И конечно же стол в деревенской избе – это хранитель древних традиций семьи:

«Столы накрыты по сибирскому закону: все, что есть в печи, в погребе, в кладовке, все, что скоплено за долгий срок, теперь должно оказаться на столе. И чем больше, тем лучше. Поэтому все на столах крупно, нарядно, все ядрено, все зажарено и запечено с красотою, большим старанием и умением».

Все рассказы автобиографической повести «Последний поклон» – это неоценимые уроки жизни: не забудь поклониться родному миру, хорошему, что было в этом мире, не будь равнодушен к тому, что совершается рядом. И не удивительно, что опыт жизни, уроки нравственных исканий, полученные Витей Потылицыным в детстве и отрочестве, нашли отражение в рассказах, повестях, романах Виктора Петровича Астафьева.

А вот что сам писатель говорит об этом: «Жизнь прекрасна и

печальна, повторю я за одним великим человеком. Вот об этой радости и печали я не перестаю и не перестану думать, пока живу, пока дышу. Об этом и самая заветная книга моя «Последний поклон», которая тревожит мою память, озаряет светом прошлые дни, печалится и радуется во мне».

Виктор Пряхин
Руководитель М. С. Ушакова

«Тут не хохоньки да хаханьки! Игра! А в игре всяко бывает...»

«И я побрел со двора, в котором отшумело мое детство. Здесь было все: и игры, и драки. Здесь меня приучали к труду: заставляли огребать снег, выпроваживать весенние ручьи за ворота. Здесь я пилил дрова, вертел точило, убирал навоз, ладил трактор из кирпичей, сажил первое в жизни деревце. Здесь, среди двора, ставилась летом и железная печка».

Многое из перечисленного касается и меня, что-то можно добавить... Но я вижу свой двор, бабушкин... Почему так происходит?

Учусь в 9 классе и вот думаю: уходить или нет после девятого? Первое, что называет в своем перечислении Виктор Петрович Астафьев, говоря об отшумевшем детстве, – игры. Вот я и думаю: играть мне в них еще или...

В рассказе «Далекая и близкая сказка» описывается такое место – «завозня». «Крестьяне нашего села завозили сюда артельный инвентарь и семена. Называлось это «общественным фондом». «У завозни же ребяташки толклись с ранней весны и до осени: играли в прятки, заползали на брюхе под бревенчатый въезд к воротам завозни либо хоронились под высоким полом за сваями, и еще в сусеках прятались; рубились в бабки, в чику. Тес подшива был избит панками – битами, налитыми свинцом. При ударах, гулко отдававшихся под сводами завозни, внутри нее вспыхивал воробыный переполох».

Что такое игра? Это когда ты не можешь удержаться, так тебя тянет на игру. Вот пример лишь из одного рассказа: «болезнь моя шла на убыль, и меня уже отпускали бегать и играть на улицу с ребятами соседа нашего – дяди Левонтия». Другими словами, герой

рассказа буквально рвался играть с соседскими ребятами. Вот это и есть чувство голода по играм.

Мысль о безграничности игры продолжается и в рассказе «Гори, гори ясно»: «Таково ли свойство детства, что оно кажется сплошной игрой, или на самом деле мы в детстве так много играли, что нам не хватало дня и мы прихватывали вечера, порой и ночи. Матери принимались искать сорванцов по улицам, закоулкам, дворам, а находили их за околицей деревни либо на берегу Енисея и прутом загоняли домой».

Что такое игра? Это сражение, зависящее от конкретной даты: «Сражения разгорались с первооттепели, с Пасхи. Пасха каждый год бывает в разные сроки, то ранней, то поздней весной, но есть тут причина для игры самоглавнейшая – к празднику забивалось много скота, варились корыта, ушаты, колоды, тазы студня. Ребятам приваливала долгожданная утеха – паренные кости ног, среди которых природа поместила бабки – панка и рюшку».

Что такое игра? Это настоящее искусство, желание преобразить мир, сделать его красивее, тщательная подготовка: «Кто был искусник насчет бабок, так это наш Кеша. Каждую бабку он красил чернилами, разведенными из химического карандаша, или розовой краской, которой целая бутылка когда-то и зачем-то попала в дом дяди Вани. Ставши с возрастом смекалистей, Кеша наловчился красить бабки в два цвета – в фиолетовый и розовый. Кроме того, Кеша просверливал у панков донца и заливал их свинцом. Такие панки-биты шли за десять, а то и за двадцать бабок, потому как выбирался для заливки панок самый крупный и стойкий».

Что такое игра? Это первоначальное «притирание» игроков, жалость к проигравшему, споры: «Как жалко бывало мне Кешины бабки, когда, явившись на поляну, ставил он их одну за другой и... проигрывал».

Что такое игра? Это размышления: «Однако ж зачем-то они, бабки-то, существуют? Вставил их Боженька или еще кто скотине в ноги, люди придумали студень варить, чтоб эти бабки ослобонялись и к парнишкам попадали. Без пользы и умысла до последних времен никакая кость никому и никуда не засовывалась. Которая для еды, которая для сугреву и улучшения хода, которая и для потехи».

Что такое игра? Это бравлада, риск и рассудительность, не-

спешность: «Йи-э-э-эх! Была не была!.. Вынаю две пары рюшек и пару панков. Такой я человек рисковый. Кеша жметя со своим крашеным богачеством, рот у него от напряжения открылся, рука в кармане шупает, перебирает бабочки, пальцами их гладит. «Ставь!» Братан жалостно лупит глаза, молит не искушать. «Я потом, – переступает с ноги на ногу Кеша. – Куда торопиться-то?..»

Что такое игра? Жизнь по принципу «тише едешь – дальше будешь»: «Домнинский Гришка бил. Этот по зернышку клюет да сыт бывает! Он почти никогда не вышибал коня, даже среднего, но на чердаке у него корзина бабок. Накопит и продает по копейке пару».

Что такое игра? Мальчишеская беспощадность, ошалелость, изменение мальчишки до неузнаваемости: «Что мне Гришка?! Я брата своего не пошадил, ободрал как липку».

Что такое игра? Сложившееся поколениями уважительное отношение: «Случалось, едет мужик на телеге и, если мужик он путевый, не шарпачня, никогда коня не переедет, обогнет его, лошадь в прошлогоднюю дурнину загонит, изматерится весь, но – таков древний закон – игры не нарушит. Часто случалось: натянет вожжи, коня остановит, глазеть начнет, а там и в игру встрянет, советом пособляет, показывать возьмется, какие он в ранешное время коня вышибал! – увлечется, забудет, куда и ехал».

Что такое игра? «Штука серьезная, обчистят и плакать не велят...»

Что такое игра? Выполнение условий для спокойного будущего: необходимо «оттолиться, иначе не будет мне прохода, должником жить на селе не полагается, из должника не выйдет и хозяина-мужика».

Я выбрал только фрагменты последней игры, но она действительно жутковатая...

Не случайно писатель, размышляя о современной жизни, вспоминает эту игру: «И когда мне в жизни становилось и становится неловко, я вспоминаю игру в кол и, стиснув зубы, одолеваю беду или преграду – очень уж схожа давняя потеха с современной жизнью, в которой голишь, голишь, да так до самой смерти, видать, и не оттолешься».

Возможно, стойкий характер, желание преодолеть все препятствия на жизненном пути и в то же время удивительная человече-

ность Виктора Петровича Астафьева сформировались и благодаря играм.

А вот вы представьте себе, какие игры будут лет так через двадцать, тридцать, может быть, там все останется по-прежнему или же все поменяется... Вот и получается: «тут не хохоньки да хаханьки! Игра! А в игре всяко бывает...»

Диана Ибрагимова
Руководитель М. С. Ушакова

«Мой вечный друг и мучитель Санька...»

Именно так характеризует Виктор Петрович Астафьев своего друга Саньку, с которым вместе росли, делили горести и радости. Еще любопытная характеристика: «Прямо как Бог или бес этот Санька!»

Разве так бывает, чтобы такие противоположные оценки давались другу? Оказывается, бывает. Пример тому Санька – интереснейший герой из повести Виктора Петровича Астафьева «Последний поклон». И что бы ни говорил Астафьев о Саньке, чувствуется его интерес к нему, неравнодушие. Чувства к Саньке – разные, но из многих осколочков складываются понятия – Друг, Дружба. Нет идеальности, показываются ситуации из реальной деревенской жизни, такой близкой и родной, что прикипаешь к героям душой, и к Саньке тоже.

В рассказе «Конь с розовой гривой» мы знакомимся с семьей дяди Левонтия, с большим количеством ребятни, где надо каждому держать ухо востро, чтобы был какой-то порядок, чтобы не остаться голодом, схитрить, когда надо... Витю просто как магнитом тянет в эту семью! И вот он здесь с конем-пряником: «С таким конем сразу почету сколько, внимания! Ребята левонтьевские к тебе так и этак ластятя, и в чижа первому бить дают, и из рогатки стрельнуть, чтоб только им позволили потом откусить от коня либо лизнуть его».

Но Витя хорошо знает каждого, поэтому «когда даешь левонтьевскому Саньке или Таньке откусывать, надо держать пальцами то место, по которое откусить положено, и держать крепко, иначе Танька или Санька так цапнут, что останется от коня хвост да гри-

ва». Так иронизирует Витя, зная характер и поведение Саньки в подобных ситуациях. Да, Санька ведет себя нагло, наверно, наглость для него – спасение во многих случаях. Нам, читателям, кажется, что соседские ребятишки – ребята ненасытные, с другой стороны, какими же им быть, если выживает сильнейший, хитрейший.... И хотя вроде бы Витька достаточно хорошо знает уловки Саньки, но... Санька еще лучше знает характер Витьки, поэтому легко обманывает его, раскручивая на дальнейшие необдуманные поступки-шалости.

Читаем рассказ «Монах в новых штанах», получивший такое название именно из-за реплики Саньки! У Витьки – настоящий праздник: бабушка сшила ему новые брюки! Он при полном параде – рубашка, сапоги, брюки – шагает к дедушке. Но сначала зашел к левонтьевским, не надо ли что Саньке передать: «Санька левонтьевский на нашей заимке помогал дедушке в пашенных делах. Дедушка уже по два лета брал с собою Саньку. Бабушка моя, Катерина Петровна, предсказывала, что каторжанец этот сведет старого с ума, пути из него не будет, произойдет полное крушение в работе, потом удивлялась, как это дед с Санькой ужились и довольны друг другом». Мы видим, что Санька – хороший работник, не зря второй год дед берет его с собой.

И вот встреча друзей: с иголки одетого Витьки и «латаного» Саньки: «Приехал Санька верхом на коне, загорелый, подстриженный дедушкой, в заштопанных штанах и рубахе, как я догадался по размашистой стезе – тоже починенных дедушкой». Санька опешил от потрясающего вида Витьки, может быть, позавидовал, но он не был бы Санькой, если б не нашелся и не дал язвительную оценку наряду Витьки, огорошив его: «Монах в новых штанах!» Но Витька пока все равно доволен своим видом. Про себя думает: «Сам-то сроду не нашивал новых штанов, а сапоги да еще с новыми союзками – и во сне ему не снились». Санька восхищается внешностью Витьки, но как всегда – пытается ему досадить, но его предостерегает дедушка. А дед для Саньки – это авторитет, он его очень сильно уважал и ценил его мнение.

Санька – кормилец на заимке: «Ели харьюзов и жареных сорожек – Санька вечером надергал». И за едой язвит Санька по поводу подмоченных постряпушек: «Плавал на шаныгах-то?», Витька «отшивает» его, находится что ответить. И насчет поставленных ромашек в воду, которые «были уже сникшие, но скоро поднялись, закучерявились густой зеленью, насорили желтой пылью и ле-

пестков на стол» Санька не забывает ехидничать: «Хы! Как ровно девчонка!»

Еще новые грани отношений Витьки и Саньки раскрывает рассказ «Осенние грусти и радости». Санька появляется в доме Витьки, когда тот очень нуждается в помощи: «сил моих осталось совсем мало и пар от меня начал идти, и не я уж точило крутил, точило меня крутило». Вот тут-то автор и восклицает: «Ну прямо как Бог или бес этот Санька! Всегда появляется в тот миг, когда нужно меня выручить или погубить». Конечно, Витька надеется, что Санька сию минуту бросится к нему на выручку, заменит его на рабочем месте, но... «Санька ж великая язва!» Для Витьки эти мгновения растягиваются до бесконечности, а Санька «сначала поздоровался с дедом, потолковал с ним о том о сем». И если бы дед не буркнул: «Подмени работника», Санька не торопился бы на помощь. Но слово деда, которого Санька почитал и побаивался, для него – закон, и вот он уже «небрежно перехватил у меня ручку, играючи завертел ее, закрутилось, завертелось, зашипело точило». И понятна нам Витькина затаенная обида на Саньку из-за того, что дед с Санькой, как со взрослым общается. Санька многое умел делать и «всякую работу исполнял так, чтобы дедушка одобрительно кивнул или хоть взглянул на него, тогда он гору мог своротить, чтоб только деду моему потрафить». И понятно состояние Витьки, которому «все это немножко обидно было видеть и слышать». Работа, как известно, объединяет, и вот мы видим таскающих капусту мальчишек. Настроение у всех праздничное, рубка капусты – большое событие в деревенском доме, и работа ребятишек – вклад в общее дело, отчего ощущают они собственную значимость. Но не был бы Санька Санькой, если бы он не нашел возможности поддеть Витьку в этот раз «клятой» песней, от которой ему «покая ни зимой, ни летом»:

*Витька-титька – королек,
Съел у бабушки пирог!
Бабушка ругается,
Витька оттирается!..*

И настроение Витьки от такой песни упало: «Я так спешил домой, так возгорелся заранее той радостью, которая, я знал, была сегодня в нашей избе, а тут меня окатили песней этой насчет пирога, который я и в самом деле как-то унес и с этим же

Санькой-живоглотом разделил. Но когда это было! Я уж давно раскаялся в содеянном, искупил вину». Хорошо, что остановили Саньку бабушка и тетка Васеня. А работа нашлась каждому: Витька «орудовал деревянной толкушкой, утрамбовывал в бочонке нарубленную капусту, обдирал зеленые листья с вилок, толоч соль в ступе попеременно с Санькой, скользил на мокрых листьях, подпевал хору».

В рассказе «Фотография, на которой меня нет» Санька – преданный друг, жертвующий собственным благополучием. Великое событие для села – приезжает фотограф, чтобы сфотографировать школьников! Событие обсуждается: «Весь длинный зимний вечер школьники гужом ходили по селу, гадали, кто, где сядет, кто во что оденется и какие будут распорядки. Решение вопроса о распорядках выходило не в нашу с Санькой пользу. Прилежные ученики сядут впереди, средние – в середине, плохие – назад – так было порешено. Ни в ту зиму, ни во все последующие мы с Санькой не удивляли мир прилежанием и поведением, нам и на середину рассчитывать было трудно». Санька с Витькой объединились. Их попытка ввязаться в драку и доказать свои права на достойное место на фотографии не увенчалась успехом. Они нашли отдушину – «пошли... на увал и стали кататься с такого обрыва, с какого ни один разумный человек никогда не катался. Ухарски гикая, ругаясь, мчались мы не просто так, в погибель мчались, поразбивали о камень головки санок, коленки посносили, вывалились, начерпали полные катанки снегу».

У ребят всегда были общие интересы, они друг за друга стояли горой, им весело вдвоем, время, проводимое вместе, приносит обоим удовольствие.

В результате у Витьки заболели ноги, при простуде он терпел невыносимую боль. Какое уж тут фотографирование! Но за Витькой пришел Санька, который препирался или ругался с бабушкой, чтобы она отпустила внука. Было огромное желание поддержать друга: «Я скатился с печки с намерением показать бабушке, что все могу, что нет для меня преград, но подломились худые ноги, будто не мои они были. Плехнулся я возле лавки на пол. Бабушка и Санька тут как тут». Санька видит, как больно и тяжело другу, поэтому он помялся, помялся, потоптался, потоптался и скинул с себя новую коричневую телогрейку, выданную ему дядей Левонтием по случаю фотографирования». Потом решительно заявил: «Раз так, я тоже не пойду! Все!»

В рассказе «Гори, гори ясно» предстает перед нами Санька-игрок, «грабивший игроков, самый верткий в расхватухе и во всех темных делах», который быстр, ловок, который любит внимание, который может предложить играть в ворованные бабки, находящиеся у него под рубахой. Увидев серьезное неприятие Витьки с Кешей, не желающих с ним играть, и напор бабушки Катерины, «Санька выдернул рубаху из-под штанов – посыпались бабки, запрыгали по настилу. Одну рюху Санька поддел ногой так, что она под навес укатилась». Санька надеялся увидеть слабость Витьки и Кеши: «Засвистевши, завихлявшись, отправился налетчик со двора, возле ворот остановился – посмотреть, как мы с Кешей бросимся собирать бабки, – мы не бросились». Тогда Санька оправдывается: «Я ить понарошке». Ничего себе понарошке!

В рассказе «Ночь темная-темная» встречаемся с рыбаками, попавшими в трудную ситуацию. Инициатор? Нет, не Санька, а Витька, который решил: «Раз я такой везучий, то нечего пользоваться этим благом другим людям, думал я, надо самому за ум браться. И я взялся». Надо было найти союзников: «Саньку дяди Левонтия не стоило большого труда увлечь. Он вольный казак. Потруднее пришлось с Алешкой – он боялся бабушки». Когда Санька раскачивал груз при закидывании на рыбу, его крючок угодил выше Алешкиного колена. Санька решил: «Надрезать кожу придется», – и стал калить над огнем кончик складного ножа. Где-то он слышал, что перед операцией инструмент обезвреживают, уничтожают микробов на нем». Витька в восторге от Санькиных знаний: «Голова Санька! Все знает!» Санька достал «крючок с кусочком Алешкиного мяса», при этом еще шутит: «На мясо, говорят, поселенец-стервоза, пуше всего берет. Попробуем!» А Алешку Санька хлопнул по плечу, успокаивая: «Ничего, Алеха! Заживет до свадьбы. Я вон один раз на ржавый гвоздь наступил, всю пятку промзил. Засохло».

Мы видим эмоции, поведение при борьбе с крупным тайменем: Витька начинает заикаться, чего с ним сроду не бывало, Санька кричит и командует, готов терпеть любую боль: «Я хоть че стерплю!», потом он тоже «визжал, взрыдывал». Они вместе пытаются победить рыбину. Санька успевает еще порассуждать, правда, рыдающим голосом: «Это он в затишек со струи забрался. Пишуженец попался, он его и цапнул!» Но у Витьки у самого столько эмоций и мыслей, что он не слушает Саньку: «Мне сейчас не до Саньки было!»

И снова командование берет на себя Витька, он хрипит: «Греби к берегу! Здесь не управиться!» И Санька подчиняется молниеносно: «рванулся к веслам», запутался в животнике, «Санька упал на борт, сшиб меня, лодка черпанула бортом, медленно завалилась на бок, и меня обожгло холодной водой. Я забултыхался. Рядом бился Санька. Его запутало животником». Санька пошел ко дну. Витька не растерялся и схватил его за рубаху, при этом умоляет: «Санечка, не тони! Санечка!..» Здесь проявляет силу характера Витька, несмотря на то, что хлебнул воды, тянула его вглубь рыба, но он не выпускал Саньку. Помогла льдина, в которую вцепился пальцами Витька, и Алешка, наклонивший черемуху, за которую схватился Витька одной рукой, «затем подтянул к себе Саньку».

После удачного спасения Саньки и неудачного поединка с тайменем Витька начинает обвинять Саньку и командовать им, а потом признается: «Первый раз в жизни возвысился я над Санькой, командовал им, и он – куда что делось? – подчинялся мне, как миленький, и даже несмело попытался утешить», у него вдруг обнаружился «робкий, простенький голос», он пытается пожалеть Витьку, зная, какую боль тот испытывает. Но Витька резок и непреклонен: «Не сдохну, не беспокойся! Ночь-то скоро пройдет. А рыба где? Плавает по дну, хрен достанешь хоть одну!..»

И мы видим, как Санька может подчиняться, уступать, быть рядом: он ждет Витьку, не идет к огню, «придумывал и не мог придумать, чего бы сказать дружеское, умягчающее».

В рассказе «Где-то гремит война» не было рядом с главным героем его друга Саньки, но мысли о нем помогали выжить, не сдаваться. Вот пример: «По пути домой в страшный мороз провалился я меж двух штабелей бревен. Вроде бы ничего не переломал: ни руки, ни ноги. Может быть, потому, что штабеля эти мне известные? Лес в штабеля я возил вместе с дядей Левонтием и с моим вечным другом и мучителем Санькой, который поздней осенью ушел на фронт. Воюет Санька, а я вот загораю. Погибать взялся. Да если уж погибать, так с музыкой, ладом погибать! На войне, в бою, с народом вместе. Чтоб врагам жутко было».

Да, всякое было в отношениях Витьки и Саньки. Вот такой он и есть – вечный друг и мучитель Санька...

Анна Новикова
Руководитель Н. В. Бекир

Постигая человеческую жизнь

Только величайшее искусство – музыка – способно коснуться глубин души.
М. Горький

Впервые с творчеством В. П. Астафьева я познакомилась благодаря рассказам бабушки. Мне часто приходилось гостить у него в Чусовом. Во время наших прогулок по берегам Вильвы бабушка вспоминал Виктора Петровича. В послевоенные годы они вместе работали на металлургическом заводе. «Замечательный человек...» – говорил бабушка. Так в мою жизнь вошел автор повести в рассказах «Последний поклон».

1933... Из истории нам известно, что это были годы засухи и жесточайшего голода. На это время пришлось детство Виктора Астафьева. Еще ребенком его отличала любознательность, он стремился «постигнуть человеческую жизнь», осмыслить, что происходит вокруг.

Уже с ранних лет крестьянскими детьми познавалась народная мудрость: «Покудова есть семена, есть пашня, в которую можно бросить их и вырастить хлеб, он крестьянин, хозяин, а не нищерброд». К самостоятельности приучались очень рано, ожидая возвращения родителей с пашни. Так «страдавала» тетка Астафьева. «Саньке весной пошел седьмой год. У Ванюхи на исходе шестой, Петеньке еще и трех не минуло».

Будущий писатель с раннего возраста был приучен к работе. «Здесь, возле завозни, я был приобщен к труду – крутил по очереди с ребятами веялку». Любимым занятием была рыбалка: «На сети выплывали мы в четыре утра, без завтрака, заспанные, вялые, однако на веслах, в труде, разогревались, разминались и работали дружно, порой даже весело, азартно».

Постижение жизни никогда не бывает только через осознание необходимости крестьянского или любого другого труда и непосредственного участия в нем. Думается, что на осмысление жизни В. П. Астафьевым повлияла и его способность чувствовать прекрасное: «Музыка, быть может, самое дивное создание человека, его вечная загадка и улада. Никто так близко, как музыкант, не

соприкоснулся с подсознанием человеческим – той самой неотгаданной материей и вечной тайною, что живет в нас, тревожит и волнует».

Эти слова являются ключом к пониманию, отчего же душа маленького Вити из рассказа «Далекая и близкая сказка» была так охвачена музыкой.

Из этого рассказа мы узнаем, как впервые Витя услышал музыку – скрипку. Детская память сохранила все детали этой знаменательной встречи. Ранняя осень... Сумерки... Завозня... «Сделалось темно, тихо и одиноко.» «...Из-под увала, из сплетений хмеля и черемух, из глубокого нутра земли возникла музыка». Автор не случайно, говоря о музыке, использует выражение «пригвоздила меня к стене», показывая высокую степень воздействия мелодии на его душу.

Волна противоречивых чувств захлестнула мальчика. «Почему хочется заплакать, как я еще никогда не плакал? Почему мне жалко самого себя...»

Музыка затронула глубинные слои подсознания ребенка. «Долго сидел я в уголке завозни и слизывал крупные слезы... Не было сил подняться и уйти». Возникла потребность снова услышать шемящую душу мелодию.

Вася-поляк вновь берется за скрипку. Тот же мотив вызывает у мальчика уже совершенно иные чувства. Мелодия стала «мягче, добрее, тревога и боль только чуть угадывались в ней, скрипка уже не стонала, не сочилась ее душа кровью, не бушевал огонь вокруг и не рушились камни». Витя в этот момент переживает новое для себя состояние – состояние свершившегося чуда приобщения к музыке.

Витя узнает, что эту дивную мелодию написал Огинский. Слушая музыку в ту ночь, Витя открывает для себя истину, сказанную Васей-поляком: «Если у человека нет матери, нет отца, но есть родина, – он еще не сирота. Все проходит: любовь, сожаление о ней, горечь утрат, даже боль от ран проходит, но никогда-никогда не проходит и не гаснет тоска по родине». Из этой встречи Астафьев вынес один из важнейших уроков в своей жизни.

Музыку из далекого детства Астафьев услышит и во время войны, в Польше. И вальс Огинского окажет на солдата уже совершенно иное влияние: вызовет в памяти не только пережитые когда-то чувства, но и желание поделиться ими: «...нет слез, нет

детского восторга и жалости чистой...». Музыка звала куда-то, «заставляла что-нибудь делать...».

Именно музыка всегда раскрывала В. П. Астафьеву новые грани жизни, пробуждала в нем способность воспринимать прекрасное. Она помогала ему сопереживать, чувствовать чужую боль и страдания, откликаться на них. Как сказал сам писатель, «его сердце – раненное сердце, раненное на всю жизнь музыкой». Глубокое постижение человеческой жизни, на наш взгляд, и сделало В. П. Астафьева настоящим Писателем. А что касается музыки, то она всегда властвовала над ним, он хранил ее в сердце, как «вдох родной земли...»

Ольга Постановова
Руководитель В. Е. Овчинникова

«Древняя рассыпанная повесть...»

«Если у человека нет матери, нет отца, но есть родина, – он еще не сирота...» Так написал В. П. Астафьев в первом рассказе повести «Последний поклон». И потом постоянно, от рассказа к рассказу, раскрывал свою родину – Овсянку, Енисей, а особенно – сибиряков: не только мужественных и суровых, но и чуть сентиментальных.

При исследовании 27 рассказов из сборника «Последний поклон» я поняла, что автор в них описал характер своих земляков, а еще особую мудрость жителей сибирской деревни, которую щедро рассыпал по рассказам в виде пословиц и поговорок, примет и поверий, прибауток и потешек, частушек и припевок...

В литературе известно немало примеров, когда бабушки и няни стали источниками вдохновения поэтов и писателей, стали словно той рекой, из которой подпитывались они народной поэзией.

Что-то может забыться, но феноменальная память писателя всегда сохранит собранные им в народе поэтические богатства, которые он потом воссоздаст в своих произведениях.

Астафьев в работе над языком своих рассказов шел не от фольклорных сборников, а от живой речи современников.

Голодные годы, тяжелая работа, невозвратимые потери не сломили сибиряков. Суровость жизни только закалила их характер, и они стойко принимают удары судьбы. Об этом говорят множе-

ственные прибаутки, дразнилки, потешки, шутки, которыми удивительно богата речь героев рассказов Виктора Петровича. Вот иронизируют по поводу тяжелой работы молодые труженики железнодорожной станции в рассказе «Соевые конфеты»: «Бог создал любовь и дружбу, а черт железнодорожную службу».

Полина из рассказа «Пир после победы» слыла зубоскалкой, «частобайкой, работницей и заботницей». Она сыпала прибаутки одну складнее другой: «Человек Яшка, на нем старая сермяжка, на затылке пряжка, на шее тряпка, на заднице шапка!» «Седня праздник, жена мужа дразнит, шаньги мажет, кукиш кажет: «На тебе, муженек, сладенький пирожок, с лучком, с мачком, с пе-е-ерчи-ко-ом!»

В рассказе «Бурундук на кресте» отец Вити, разгорячившись от выпитого, сыпал прибаутками: «Стригу хоть с переду, хоть с заду, хоть голову, хоть че! Стригу долго, беру дешево: с Гаврила – в рыло, с Трофима – мимо, дурака за пятак, Болтухина – за так!» А чуть позднее он же забавлял покупателей прибаутками: «Всем господам по сапогам, нам по валенкам».

В «Бабушкином празднике» автор собрал не только многочисленных родственников, но и целый спектр метких прибауток. Самому маленькому гостю бабушка говорит: «Пупок узелком, ноги кругляшком, дух хлебный – па-а-ахарь будет», а над мужиками язвит: «Чего зарыбачили? Два тайменя: один с вошь, другой по-мене?»

Прибывающие на праздник гости извешали о себе присказкой: «Скок на крылечко, бряк во колечко – дома ли хозяева?» А тетка Августа бесшабашно заявила: «Много ли вас, не надо ли нас?»

Вытарашив глаза, Мишка Коршуков скороговоркой доложил: «Где блины – тут и мы!» Всем известный Левонтий, присказывая, прошел к столу: «Как у нашего соседа развеселая беседа! Гуси в гусли. Утки в дудки, тараканы в барабаны! Ух, ах! Тарабах!»

Жизнь под столом маленького героя рассказа «Карасиная погибель» в доме деда Павла представлена одной точной рифмовкой: «Дитятко не рожено, не хожено, папой с мамой брошено».

Разные люди и при разных обстоятельствах произносят незамысловатые творения народной мысли. Их речь поэтична, душевна, напевна. Виктор Петрович был убежден в том, что язык у сибиряков – самобытный, емкий.

Астафьев часто подчеркивал сентиментальность своих земля-

ков. На этой черте, по-видимому, и основывается вера созданных им героев в какие-то потусторонние силы, которые могут как помогать человеку, так и карать его.

Вот, например, герой рассказа «Пир после победы» посмеивается: «В родове нашей кто-то и когда-то, по поверью, разорил гнездо ласточки, и оттого все мы веснушками, что мурашками, усыпаны».

Больше всего поверий нацелено на то, чтобы уберечь себя, дом или скотину от сглазу. «Словом, чтоб не сглазить, не отпугнуть удачу, надо от нее отрешиваться изо всех сил – дело проверенное», – читаем мы в рассказе. Дед в рассказе «Ангел-хранитель» бубнил, «нашаривая уголек за козырьком рукомойника, чтоб умыть меня с уголька – от испуга и урочества». Старухи из рассказа «Без приюта» «молотят языком, будто черный глаз урочливый, недобрый и люди черноглазые очень даже опасные». За здоровье маленького теленочка переживает вся семья в рассказе «Пеструха»: «Из несмышленьшей, из малышей кто заведет разговор о телочке – старшие ребята вытаращатся на него: «Ша! Сглазишь! – суеверная пугливая благоговейность, таинство ожидания сделают ребятешек на какое-то время послушными и даже раболепными». В голодном 33-м году бережет корову-кормилицу вся семья, и «бабушка... кормила корову с заслонки, чтоб «заслонить» от худого глаза и хворей». Подобные поверья отражают психологию сельского жителя.

Рождение суеверных историй восходит скорее всего к древним верованиям славян в домового, банника, овинника и лешего. Последний напрямую связан с лесом, который близко подступал к ограде двора древнего славянина. По исследованиям М. Семеновой в энциклопедии «Мы – славяне», видно, что древние по-разному относились даже к породам деревьев: были среди них доброжелательные к человеку, были и «поганные», которые тоже иногда помогали, «снимая у нас вместе с темной энергией излишнее напряжение, судороги, головную боль». К таким относилась осина. Знаток русской традиции, Астафьев описывает похожую историю.

В рассказе «Бурундук на кресте» маленькому герою запомнилось: «Бабушка еще по ранней весне повязала мою голову венцом с тремя молитвами, я относил тот венец три дня, и она увела меня в лес и там сожгла бумагу под осиной, которую завязала лоскутом от моей рубахи. Пепел же от сожженно-

го бумажного венца растворила в пузырьке со святой водою. Велела мне выпить и кланялась осине, внушала ей взять мою трясуху...»

Особой силой наделяли славяне воду, приписывая ей многие целебные средства. Об этом можно узнать из рассказа «Бабушкин праздник»: «Бывало, если человек слабоват, пока из одного конца села до другого доберется, то уж у него отпуск просрочен и ему зеленые чертики являются. Тогда ташили его в баню, отмывали, отпаривали, брызгали с помела водою – чтобы чертей отогнать, – и таким образом возвращали семье и труду». В рассказе «Деревья растут для всех» «тетка Августа подкралась сзади и хлестанула мне за шиворот ключевой воды, чтобы «выпугнуть лихорадку».

Обращение к свету, к заре нередко считали исцелением от хворей и болезни. Верила в это старая уборщица из рассказа В. П. Астафьева «Соевые конфеты», говоря, что «при болезни горла надо лизать поварешку, лизать и глотать слюну, глядя на утреннюю зарю – как рукой снимет «болезнь».

Без сомнения, мифология древних и незамысловатые рассказы-поверья Виктора Петровича хранят для нас древнюю мудрость, великую и простую науку жить во взаимопонимании и мире со всем окружающим.

В. П. Астафьеву понятен сибирский характер. Особенностью его он считает особую внимательность сибиряков к природе и людям. Они смотрят на окружающий мир, метко запечатлевая его движения и изменения в приметах.

Большая часть их показывает тесную связь с природой и имеет свое объяснение: «Луна вызрела с арбуз, в обруч ее взяло, значит, метель вот-вот грянет, пурга. А перед пургой налим-то хваток! Ох, хваток!»

«Мох сырость засасывает. Уголек обмерзнуть стеклам не дает, а рябина – от угару». «Примета есть – лошадь, везущая утопленника, всегда делается мокрой». «Есть поверье, будто людская беда чувствуется и зверьем, якобы отходит зверь дальше в тайгу, в неприступные горы...» «Зорька поет, значит утро идет».

Некоторые приметы вызывают улыбку: «Если будешь плевать на стекла, зубы заболят». «Секлетины хлеб как сажат, подол подымат, чтобы хлеб подымался». «Под закат солнца, скажем, деньгами и хлебом никого не ссужай – обеднешь. После заката сор веником в избе не мети – разметешь богатство. При первой кукушке бряк-

ни деньгам, чтоб водились». «Бабушка из Сисима поспешно взялась штопать рубаху прямо на мне, даже язык велела прикусить, чтоб память иголкой не ушить».

Приметы – это часть жизни сибиряков. Они показывают людскую широту и ограниченность, близость к природе и страх перед ней, свет души и суеверие.

Астафьев справедливо считал, что «деревня – живой организм. Со своей историей, преданиями. В ней – свои умники и дурачки, герои и чудaki. В ней много еще предрассудков». К ним можно отнести приговоры, наговоры, заговоры, которые являются неотъемлемой частью жизни многих героев повести.

В рассказе «Приворотное зелье» представлена травка любка, имеющая будто бы колдовскую силу. «Хочешь развести парня с девкой или, наоборот, завлечь его, неразделенную любовь сделать взаимной – настоем корня любки незаметно, по рюмочке, пои «предмет сердца» да шепчи при этом складной приговор: «Пленитесь его (иль ее) мысли день и ночь, и в глухую полночь, и в кажен час, и в минуту кажну обо мне вечно. И казался бы я ей (ему) милее отца-матери, милее всего роду-племени, милее красна солнца и милее всех частых звезд ночных, милее травы, милее воды, милее соли, милее всего света белаго и вольнаго...»

В рыбацкой истории «Ночь темная-темная» Ксенофонт учит начинающего рыбака «рыбачкой ворожбе, колдовству, приговорам и наговорам всяким, ну, чтоб у соседа не клевало. Молви про себя, когда он удочку закидывает: «Клеш на уду, вошь за губу!» Или на червей пошепчи, или удилище переступи – уже совсем верное отворотное средство». А мальчик из рассказа «Зорькина песня» наизусть твердит наговор: «Осина, осина, возьми мою дрожжалку-трясину, дай мне леготу».

Родные и близкие Астафьева, по его воспоминаниям, «пели здорово, пели и плакали – это уж непременно». Подтверждением этому является то, что в его произведениях часто звучат песни, которые будят добрые чувства друг к другу и навсегда оставляют неизгладимую память о родном доме. Поют в его повести и частушки, которые таят в себе великий смысл.

В рассказе «Легенда о стеклянной кринке» автор говорит словами героя, бывшего солдата: «В дополнение пелись еще частушки, не просто соленые, но пересоленные... – так они складны да выразительны». Вот такие частушки можно было услышать от астафьевских героев:

*Эх, карасук, карасук,
Посади меня на сук.
На суку буду сидеть,
Да на милого глядеть.*

Частушки дополняют характеристики астафьевских современников, делают их ярче и выразительнее.

Как маленькие алмазы, блестят и играют своей огранкой на астафьевских страницах пословицы. Несмотря на их множество, довольно ясно выделяются тематические группы:

пословицы о хлебе –

«Красна изба углами, а сибирский праздник пирогами»;

пословицы о труде –

«Клади назем густо, в амбаре не будет пусто»;

пословицы о горе, несчастье –

«Беда приходит пудами, а уходит золотниками».

А вот разные пословицы обо всем:

«В поле ветер, в заду ум» (цыган);

«Пьяных черт водит» (пьянство);

«Одна муха не проест брюха» (коллектив);

Не живи, как хочешь, а живи, как бог велит» (о боге).

Маленькие умозаключения лишены двусмысленности. Через них показаны основные чаяния людей 30–40 годов, их мечты, заботы, радости и огорчения.

Народно-поэтический язык повести «Последний поклон» очень богат и колоритен. Фольклорные элементы помогают передать представления простых людей о явлениях и событиях, помогают создать русский национальный характер. Бабушка Екатерина Ивановна, бабушка из Сисима, семья Левонтия, тетка Секлетинья, дед... – это не только герои повести великого писателя, это родина Астафьева, это наша Родина.

*Лилия Гильманова
Руководитель Т. А. Ничкова*

Есть в жизни твоей надежный причал...

У человека состоявшегося, опытного, духовно развитого на первом месте в списке ценностей всегда стоит именно семья. Это

не только основа человеческого общества, зарождение и продолжение рода человеческого, это основа воспитания новых поколений. Семья – начало всех начал.

Именно об этом рассказывает в своей книге замечательный писатель XX века В. П. Астафьев, для которого семья была опорой и смыслом всей его жизни.

На страницах автобиографической повести «Последний поклон» встречается много интересных описаний родственников героя, односельчан и товарищей по играм, его случайных и неслучайных попутчиков на дороге жизни. Но можно с уверенностью сказать, что центральный образ книги, к которому обращена неизменная любовь писателя, – это образ бабушки. Ей, Катерине Петровне, настоящей труженице, кормилице, хранительнице семьи посвящена почти каждая строчка этой книги в благодарность за ту любовь, которую она подарила осиротевшему мальчонке – будущему писателю.

Памятью о бабушке, любовью к ней, желанием загладить перед ней невольную вину, которую испытывает каждый человек перед своими близкими, пронизаны рассказы в книге «Последний поклон». Автор так объяснял главный смысл своего произведения: «Бабушка, бабушка! Виноватый перед тобою, я пытаюсь воскресить тебя в памяти, рассказать о тебе людям... Непосильная эта работа... Согревает меня лишь надежда, что люди, которым я рассказал о тебе, в своих бабушках и дедушках, в своих близких и любимых отыщут тебя, и будет твоя жизнь беспредельна и вечна, как вечна сама человеческая доброта...»

И, действительно, в образе Катерины Петровны я нашла черты моей горячо любимой мамы. Они похожи во многом. Моя мама всегда поддерживает и помогает мне в осуществлении даже самых незначительных задумок, с раннего детства учит удивляться всему окружающему, открывать что-то новое для себя, помогает замечать любую интересную мелочь!

Так и бабушка открыла маленькому Вите чудесную зорькину песню в одноименном рассказе, помогла вырастить маленькую лиственницу («Деревья растут для всех») и вообще всегда была его единомышленником, что благотворно отразилось на его характере.

Кто, как ни мать или бабушка, может поднять ребенку настроение обычными, на первый взгляд, вещами, будь то пряник в виде коня («Конь с розовой гривой») или долгожданные новые штаны («Монах в новых штанах»). А если надо, то они всегда окажутся

рядом в трудную минуту, спасут от неприятностей. В одном из рассказов Катерина Петровна, вытаскивая своего внука из очередной передражки, говорит: «Тошно мне, тошнехонько! Ой, чуюло мое сердце!.. Ой, не зря сосало под ложечкой!» Правда, ничто не может быть таким чутким и внимательным, как материнское сердце, а бабушка заменила В. П. Астафьеву мать.

Прочитав «Последний поклон», убеждаешься, что бабушке посвящены многие строки; в глаза так и бросаются самые ласковые слова: «бабушка», «баба», «бабонька», «бабушкино»... Живой, любовью согретый и любовью одаривающий образ бабушки проходит через всю книгу. И при всей любви к Катерине Петровне в ее образе нет ни слащавости, ни умиления. Перед читателями встает правдивый портрет старой деревенской женщины, смело и решительно ведущей большое семейство через житейские невзгоды, выпавшие на долю ее семьи, соседей, да и всего нашего народа.

А рядом с бабушкой, хотя и не так отчетливо, присутствует другой образ – образ утонувшей матери героя. Он почти не знал ее и почти не помнит, и воспоминания о ней, рано погибшей, то возникают в воображении мальчика, то уплывают в глубины памяти... Но она в сердце всегда.

Словно в тени, на заднем плане, – дедушка, тихий, незаметный, немногословный, но в доме его слово значимо, весомо. Он дополняет, уравнивает вспылчивую, горячую Катерину Петровну. У него учится Витя хозяйственной сметке, перенимает мужские черты характера.

В. П. Астафьев погружает нас в мир настоящей СЕМЬИ, искренней ЛЮБВИ и ПОНИМАНИЯ.

Юлия Шайхлиева
Руководитель Т. А. Ничкова

Счастливая пора детства

Вот жизнь какая извилистая! И несчастья, и счастье – все в ней об руку, все рядом идет...

В. П. Астафьев

Не раз в школьной программе мы встречались с произведениями о детстве: «Детство», «Отрочество», «Юность» Л. Толстого,

«Детство» М. Горького, автобиографическая повесть В. Г. Короленко «В дурном обществе», рассказ В. Г. Распутина «Уроки французского». И всегда читаешь их с особым интересом. Но повесть В. П. Астафьева «Последний поклон» как-то по-особому тронула мое сердце, вызвала у меня не только бурю эмоций, но и много размышлений.

Детство – такая пора жизни, которую начинаешь ценить только тогда, когда повзрослеешь. Только когда начинаешь понимать, что детство уже не вернуть. И от этой мысли становится порой очень грустно и тоскливо.

Несомненно, у каждого есть воспоминания хотя бы об одной дворовой игре, в которую он играл увлеченно со своими друзьями часами напролет, дотемна, стараясь не попасться на глаза родителям, чтобы не зазывали домой, ведь тогда вряд ли удастся выйти на улицу. Так думала я, так же думали и мои друзья.

Игры – это целый мир, который дети создают сами, используя свое умение и фантазию, вкладывая в игру всю свою душу. Создают свои законы и правила, которые порой бывают совсем не детские, а жестокие и беспощадные. И уже в игре начинаешь закалять свой характер, учиться преодолевать трудности, готовя себя к взрослой жизни. В игре есть союзники, друзья и соперники. Не правда ли, игра похожа на жизнь?

Я согласна с В. П. Астафьевым, что игры – это «предисловие к будущей жизни, слепок с нее, пусть не обожженный еще в горлине бытия, но в чем-то уже ее предваряющий» («Гори, гори ясно»). Главный герой – Витька рассказывает о таких играх, о которых я даже не слышала. Например, игра в бабки требовала терпения, силы, ловкости; лапта была уж совсем суровая, она испытывала на крепость, стойкость, излом. Тот путь, который Витька проделал для полной победы в игре, вызывает уважение. И теперь, когда миновала та счастливая пора, автор вспоминает игры детства, вздрагивает, и сильнее бьется его сердце, знобяще-восторженное предчувствие победы непременно возвращается.

Одни игры помнятся, другие забываются и уходят, они редко возвращаются из прошлого, третьи живут во многих поколениях. Почему так происходит? Наверно, потому, что общество меняется, меняются люди, воспитание. Я думаю, у двух поколений вряд ли сойдутся вкусовые предпочтения в игре. Например, я не знаю те игры, в которые играла моя бабушка, в списке игр маминого по-

коления я также увидела несколько незнакомых мне. Что будет со следующими поколениями? Не вытеснит ли все быстрее развивающийся мир такую радость детства, как игра? Время покажет, но мне кажется, что не вытеснит: игры, как традиции, передаются из поколения в поколение.

Но ведь мы учимся не только играя! Мы взрослеем, совершаем поступки, хотим доказать свою самостоятельность, утвердить себя перед родителями, друзьями, представляем уже свой триумф, слова восхищения и похвалы. Но зачастую в наших поступках, как говорится, первый блин комом. Все мечты вдруг рушатся, над тобой посмеиваются, тебя ругают, ты уже ждешь наказания. Так происходит и с героями рассказа В. П. Астафьева «Ночь темная-темная» Алешкой, Санькой и Витькой.

Они, решив наловить много налимов, чтобы порадовать бабушку, отправляются без спроса на остров на лодке по Енисею, да еще весной, когда вода идет быстрым потоком, выходит из берегов и хрустит льдом. В итоге ребята и лодку упустили, и налимов, сами чуть не погибли, покалечились, «потрепали» нервы родителям, бабушке. Ох, какое это несчастье, горе для юных рыбаков! Но вместе с этим к герою приходит еще и везение: он поступает под опеку деда Ксенофонта на рыбалке. Это для него большая радость!

Ребенок всегда подражает своим родителям, бабушкам, дедушкам, иногда учится на их поступках и даже копирует их манеру поведения. Почтение, уважение, любовь, забота – все это приходит из семьи. Каков внутренний мир семьи, таким и вырастет человек.

Доказательством этого служит Витькина семья – бабушка и дедушка, точнее их любовь к детям и внукам.

Несмотря на ранее сиротство, болезни, бедность, которые выпали на долю будущего писателя, детство осталось самым ярким, насыщенным, поистине прекрасным периодом жизни. Его талант, наблюдательность, чувство слова – они, я думаю, из детства. Может быть поэтому так щемяще-сладостно звучат страницы «Последнего поклона».

Психологи говорят, что чем счастливее было у человека детство, тем крепче он стоит на земле, став взрослым. Детство подпитывает его своими соками, наполняет новыми силами. Может быть, именно это помогло В. П. Астафьеву пройти Великую Отечественную войну, пережить ранение, тяжелые послевоенные годы, освоить нелегкий писательский труд.

Свет любви

С творчеством В. П. Астафьева я познакомилась еще в школе. Но когда стала учиться в техникуме, мы стали глубже изучать его творчество, читать психологические повести и романы о войне и современной сибирской деревне: «Кража», «Пастух и пастушка», «Царь-рыба»; о нравственном и социальном состоянии общества: «Печальный детектив», «Людочка»; о страданиях солдат-жертв бессмысленной жестокости советской репрессивной системы: «Прокляты и убиты».

Все, о чем было написано в его книгах, Виктор Петрович видел, глубоко чувствовал и пережил сам.

В «Последнем поклоне» — своеобразной летописи жизни сибирской деревни — Астафьев воссоздает убогий уклад заброшенного чалдонского села, с его нищетой, пьянством, доходящим до дикого разгула, рисует галерею сибирских характеров (своей родни, соседей, земляков и переселенцев) — непутевых, бесшабашных и безалаберных, жестоких в «кураже», ломающих жизнь себе и своим близким. Но эти же люди, оказывается, способны к добру и участию, в «крайние минуты» спасают и поддерживают друг друга, терпеливо перемалывают жизнь в непосильном труде, часто связанном с опасностью и риском. В них, носителях неписанной, «инстинктивной» морали, видел Астафьев «становую жилу» народа.

Венцом его жизнестойкости, терпения и доброты стал образ бабушки Катерины Петровны, сумевшей по-своему, без назиданий, научить мальчика понимать и объяснять себе сложность и даже жестокость жизни. Ее внук Витька, безусловно, весь пронизан светом, теплом, добротой.

Ей, Катерине Петровне, труженице, кормилице, хранительнице семьи, защитнице отдает благодарный земной поклон автор книги.

Памятью о бабушке, любовью к ней, желанием загладить перед ней невольную вину наполнены рассказы автобиографической повести «Последней поклон». Астафьев всю жизнь жалел, что не смог похоронить бабушку, его не отпустили на работе, а он подчинился начальнику — не понял тогда всей меры своего несчастья и утраты. Пережил это горько: «Бабушка, бабушка!

Виноватый перед тобою, я пытаюсь воскресить тебя в памяти, рассказать о тебе людям... Непосильная это работа... Согревает меня лишь надежда, что люди, которым я рассказал о тебе, в своих бабушках и дедушках, в своих близких и любимых людях отыщут тебя и будет твоя жизнь беспрдельна и вечна, как вечна сама человеческая доброта...»

Вся книга Виктора Петровича, посвященная бабушке, называется «Последний поклон». Это поклон и одновременно просьба о прощении. Но и поклон неумирающей памяти. А чувство вины – это удивительное чувство и не каждому оно дано. Любовью согретый и любовью одаривавший образ бабушки Катерины Петровны проходит через всю повесть В. Астафьева. Перед читателем встает правдивый портрет старой деревенской женщины. Ее речь пестрит пословицами и поговорками, она старается никогда не унывать. Когда она заболела, люди со всего сёла приходили ее проведать: «В эти дни бабушкиной болезни я обнаружил, как много людей, и не родных, тоже приходят пожалеть и посочувствовать ей. И только теперь, хотя и смутно, я почувствовал, что бабушка моя, казавшаяся мне всегда обыкновенной бабушкой, – очень уважаемый на селе человек, а я вот не слушался ее, ссорился с нею, и запоздалое чувство раскаяния разбирало меня». Ее большие рабочие руки в жилках еще раз подчеркивают трудолюбие героини. «В любом деле не слово, а руки всему голова. Рук жалеть не надо. Руки, они всему скус и вид делают», – говорит бабушка. Самые обычные дела – уборка избы, пирог с капустой, засолка капусты – в бабушкином исполнении дарят окружающим людям столько тепла и заботы, что воспринимаются как праздник: «Эй, подружки, на печаль не сворачивай! Печали наши до гроба с нами дойдут, от могилы в сторону увильнут и ко другим бабам прилипнут. Давайте еще споем. Пушай не слышно будет, как воем, а слышно, как поем».

В голодный год стойко державшаяся бабушка, хоть и наставляла всю семью: «носи платье, не складывай, терпи горе, не сказывай», все же сама все чаще и чаще смахивала с лица слезы и жалела, и тревожилась за судьбу маленького внука. И чтобы внук выжил, решила продать самое дорогое, что осталось от мамы мальчика – золотые сережки: «Вот! – встряхнулась бабушка и разжала пальцы. В глубине морщинистой темной ладони бабушки курослепым цветком горели золотые сережки.

– Тебе сберегчи хотела. Память о матери. Да наступил чер-
ный день...»

В тяжелые годы помогает семье выжить и иметь кусок хлеба старенькая швейная машинка, на которой бабушка умудрялась обшивать полсела. Но потом и эту машинку пришлось продать.

В этот же голодный год, когда уже не осталось хлеба, картош-
ки, бабушка пошла на базар покупать хлеб, но жулики обманули
ее и продали ей поддельный каравай: лишь сверху корка, внутри
мякина. И когда она шла обратно, едва держась на ногах, она
увидела бесприютную, брошенную собаку. И Катерина Петров-
на не смогла пройти мимо щенка, так как добрый человек это
равнодушно пережить не может. Самим есть нечего, но помочь
обездоленному, помочь брошенному щенку тоже надо. Таких лю-
дей мало, но они есть. Людям было плохо, а этот щенок принес
им радость, отвлек от тяжелых дум, добавил тепла. А когда весна
пришла, беда отступила.

Виктор Петрович увидел свою бабушку в момент полного
расцвета ее человеческой красоты («Бабушкин праздник»). Дети,
родственники, соседи – все пришли, чтобы поздравить бабушку
с днем рождения. И как ждала она их, как рачительно припасала
угощения, каким поистине праздничным был сотворенный ее
руками стол. Но это еще не сам праздник, не суть его. Главный
момент – вот он: «Бабушка запевала стоя, негромко, чуть хри-
пловато и сама себе помахивала рукой. У меня почему-то сразу
же начало коробить спину, и по всему телу россыпью колючек
пробежал холод от возникшей внутри меня восторженности. Чем
ближе подводи́ла бабушка запев к обшеголосью, чем напряжен-
ней становился ее голос и бледней лицо, тем гуще вонзались в
меня иглы, и казалось мне, кровь густела и останавливалась в
жилах...

Тее-че-от ре-е-ченька-а-а-а,

Те-чее-от бы-ы-стра-а-а-а...

Сильными, еще не испетыми, не перетруженными голосами
грянуло застолье, и не песню, а бабушку, думалось мне, с трудом
дошедшую до сынов своих и дочерей, подхватили они, подня-
ли и понесли легко, восторженно, сокрушая все худое на пути
своим, гордясь собою и тем человеком, который произвел их
на свет, выстрадал и наделил трудолюбивой песенной душой».

В рассказе «Конь с розовой гривой» меня вновь поразила ба-

бушка. Она отправила внука собирать землянику для продажи. А продав землянику, она купит ему пряник – коня с розовой гривой (это была мечта всех детей). И вот мальчик пошел за ягодами. Собирая ягоды, дети учатся терпению и трудолюбию, аккуратности: «Я брал старательно и скоро покрыл дно аккуратненького тuesка стакана на два-три. Бабушка говорила: главное в ягодах – закрыть дно посудыны». Мальчик набрал ягоды, но затем, вместе с ребятами, они съели все ягоды. И он обманул бабушку: положил в тuesок травы, а сверху насыпал землянику. Обман раскрылся только на базаре, когда бабушка продавала ягоды. И в конце рассказа, несмотря на то, что внук ее обманул, она дает ему обещанный пряник. И я со слезами на глазах читаю: «Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло. Нет в живых дедушки, нет и бабушки, да и моя жизнь клонится к закату, а я все не могу забыть бабушкиного пряника – того дивного коня с розовой гривой».

Я думаю, что бабушка в рассказах В. П. Астафьева – олицетворение добра, теплоты и заботы. Я бы всем желала такую бабушку, какая была у главного героя.

И у меня иногда возникает вопрос: осуществился ли бы талант В. П. Астафьева, если бы ни этот свет любви, осветивший самое начало его нелегкой жизни?..

Нина Томилова
Руководитель А. М. Кушин

Мы не Иваны, не помнящие родства

Знакомо ли вам чувство вины?

Наверное, каждый человек переживал это и не единожды. Просто некоторые люди не показывают своих переживаний, скрывая их за равнодушием, а порою и хамством. Другие, наоборот, пытаются стать лучше, искупить свою вину или хотя бы загладить.

Я думаю, что чувство вины равносильно угрызению совести, оно отпустит тебя только тогда, когда ты сам будешь готов к этому. Иногда это чувство преследует тебя постоянно.

«И живет в сердце вина. Гнетущая, тихая, вечная...» – эти строки В. П. Астафьев написал в своем рассказе «Последний поклон».

Героя рассказа всю жизнь преследовало чувство вины за то, что он не отдал «последний поклон» своей бабушке, доброй, любящей, воспитавшей его, ласковой, заботливой, умеющей утешить, которой он был бесконечно благодарен.

Но случилось так, что он не проводил ее в последний путь...

Почему так происходит? А важно ли *почему* и *кто* помешал ему в этом?! Для рассказчика это не имеет значения, и всю жизнь он будет винить себя и только себя!

«Нет у меня таких слов, которые бы ... оправдали меня перед нею. Я знаю, бабушка простила бы меня. Она всегда прощала меня. Но ее нет. И некому прощать...» И живет герой Астафьева с чувством глубокой вины...

Почему осознание приходит к нам намного позже, почему мы не ценим близких, которые окружают нас, почему мы понимаем, что этот человек важен для нас лишь тогда, когда он уйдет и уже ничего нельзя вернуть?

«Что имеем, не храним – потерявши, плачем», – мы редко прислушиваемся к народным мудростям, а ведь они оградили бы нас от боли, разочарования, разбитых надежд.

И уже только в памяти я вижу свою бабушку, милую, хозяйственную, справедливую, в свои 82 по-прежнему красивую. Мне хочется вернуть время вспять, но, к сожалению, оно не подвластно мне.

Я знаю, жизнь у бабушки была такая же тяжелая, как и у Катерины Петровны, героини повести В. П. Астафьева. Первое серьезное испытание – война! Страх за отца, отправленного в разведку, недоедание, забота о младших братьях... Но она пережила это, получила образование и стала учителем, вышла замуж за фронтовика, родила четверых детей, поставила их на ноги, дала всем образование и пятьдесят (!) лет проработала в школе.

И по сей день все, кого она учила, с благодарностью вспоминают скромную, справедливую и требовательную сельскую учительницу Анастасию Яковлевну Овчинникову. До конца своих дней моя бабушка всем приходила на помощь. Она пригревала обездоленных детей, помогала словом и делом одиноким старикам. Все ценили ее за бескорыстие и добродушие.

Виктор Астафьев, чтобы увековечить память о своей бабушке, написал повесть «Последний поклон». Она заканчивается удивительными словами, которые близки каждому: «Я пытаюсь воскресить тебя в памяти, рассказать о тебе людям. Согревает меня

одна лишь надежда, что люди, которым я рассказало о тебе, в своих бабушках и дедушках, в близких и любимых людях отыщут тебя и будет твоя жизнь беспредельна и вечна, как вечна сама человеческая доброта».

*Мария Недорезова
Руководитель В. Ю. Бугрина*

Религиозность как философия жизненного уклада

Об отношении В. П. Астафьева к христианскому учению говорить сложно. Нет у него прямых и громких высказываний на эту тему. Видимо, для него это сокровенно. Исследователи творчества Астафьева говорят о «тонкости его религиозного мироощущения, потому что он не дает нам возможности судить о себе по официальным высказываниям, интервью в прессе», а имеющиеся высказывания на этот счет довольно противоречивы. В «Оде русскому огороду» читаем: «Ну хочешь, я, безбожник, именем господним заклинать тебя стану, как однажды оглушенный и ослепленный войною, молил поднять меня со дна мертвых пучин и хоть что-нибудь найти в темном и омертвелом нутре».

В беседах последних лет писатель признается: «В высшую силу я посейчас верю, помогает она мне... А с попами не выходит... делают они хорошее дело, а на исповедь все-таки к ним не пойду. Я уж сам как-нибудь. Может, христианин я плохой, может, и совсем никакой, а детское все так и храню по-детски – бабушка, белая рубашка, священник в нарядном – это как-то навсегда церковь для меня и есть, лучшее в ней».

В повести «Последний поклон» через детское восприятие действительности мозаично вырисовывается картина народной философии христианства.

Внешнее проявление религиозности русского человека автор передает описанием убранства крестьянской избы. В каждом деревенском доме был красный угол с иконами. К праздникам обязательно зажигались лампы. Внутренняя религиозность передается через образ бабушки Екатерины Петровны Потылицыной. Она не была фанатичной верующей, но христианские заповеди соблюдала, Бога чтит. Ее христианские взгляды крепила уверен-

ность, что жизнь идет по Божьей воле. Бабушка соблюдает традиции предков. Процесс общения бабушки с Богом – с начала дня и до отхода ко сну. Все свои дела она начинает с именем Бога. И все это естественно, обыденно, привычно, потому что религиозность, впитанная ею с младенчества, стала неотъемлемой частью ее существа.

Несколько раз В. П. Астафьев описывает бабушку во время молитвы.

Вот бабушка совершает вечернюю молитву:

«Бабушка молилась, стоя на коленях перед иконостасом в горнице. Я видел сквозь листья герани занавесы красных сережек, как голова ее то возникала за цветками, то опускалась ниже окна. – Мира заступница, Мати всенепорочная, пред тобою, грешница, мраком одетая. Ты меня благодатью покрой, если погибнет скорбь и страдание... – Все чаще и чаще мелькала бабушкина голова в окне, слышно было, как она бухалась лбом об пол и голос ее уже на слезе...»

Читая данное описание моления бабушки, чувствуешь улыбку писателя, который представляет нам свои умозаключения по поводу происходящего. Бабушка самозабвенно молится, согласно Богом указанному порядку и потому что молитвы требует ее христианская душа. Но во время общения с Богом она продолжает жить в бытовом суетном мире. «Мне казалось, бабушка знала, что дед слышит ее, и поэтому она прибавляла прыти в молитве, чтоб пронять его, доказать, какая она усердная в веровании, а он – грешник, но она по доброте своей и его грехи замолит».

Укладывая внука спать, бабушка совершает своеобразный обряд: перекрестив на ночь, желает мальчику «не какого-нибудь, а самого что ни на есть «ангельского» тихого сна: – «Спи с Богом! Спи, не бойся! Жизнь страшнее снов, батюшко...»

С именем Бога начинается любое дело, с его же именем заканчивается. Вот Катерина Петровна печет блины: «Ну, Господи, баслови! – тихо роняет бабушка и вынимает из печи сковороду».

Провинившегося внука называет «безбожником», подчеркивая греховность его поступков.

Рассказ «Пеструха» Астафьев завершает текстом молитвы:

«И знаю я: раньше всех поднявшись, бабушка осторожно опустится на колени перед иконостасом и, глядя на неподвижный синенький свет лампады, будет молиться и просить, чтобы все дни были похожи на прошедший благостный день.» «Дай мне с

душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день... Во всех словах и делах моих руководи моими мыслями и чувствами... Дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение дня. Руководи моею волею и научи меня молиться, верить, надеяться, прощать и любить. Аминь».

Вместе с бабушкой мальчик Витя ходит в церковь, знает молитвы. И вот уже в его детской голове формируется христианское сознание: «Мне открылось внезапно «тот свет»! Там живет Сам Бог, и что Ему захочется, то Он и сделает со всеми нами. Но раз по бабушкиным молитвам выходило, что творит Он дела лишь великие, добрые, то мнилось мне, оттуда, с «того света», из-за горных вершин распадка Караульной речки, мягко ступая по облаку, спустится Он, погладит меня по голове и скажет: «Пойдем со Мной, дитя Мое».

Однако, наряду с христианскими таинствами, в жизни русского человека уживаются языческие верования в «сглаз», в приметы, в магические действия. И эта сторона религиозности русского человека, основанная на древнем языческом веровании, отмечается автором. Во время болезни внука «бабушка шептала молитву от всех скорбей и недугов, брызгала меня святой водой, травами пользовала до того, что меня начало рвать, из города порошки привозили – не помогло». Тогда Катерина Петровна, следуя древним знаниям, идущим из языческой веры, когда поклонялись дереву как божеству, увела мальчика вверх по речке, ... нашла там толстую осину, поклонилась ей и стала молиться, а я три раза повторил заученный от нее наговор: «Осина, осина, возьми мою дрожжалку – трясину, дай мне леготу» – и перевязал осину своим пояском».

Соблюдались бабушкой и традиции, обычаи, унаследованные от предшествующих поколений. Так, после отела коровы детей звали смотреть теленочка и давать ему имя. Автор пишет «Всегда, сколько я себя помню, в крестьянском дворе ребятишки приобщались к радости явления новой жизни, к нехитрому сотворчеству и никогда, ни за что не пускали на двор и под навес ребятишек, пока они не входили в серьезный возраст, где забивалась на мясо скотина. Ребят оберегали от вида крови и мучений...»

В «Оде русскому огороду» также представлены примеры поверий-примет. «В ночное время (от сглазу) бабка с наговорами закапывала в грядку пестик... Пестик утаивался в грядку для того,

чтобы огурец рос как можно крупнее». Высаживая рассаду капусты непременно в четверг, чтобы черви не съели, бабушка приговаривала: «Не будь голенаста, будь пузаста». А вот печальное народное поверье-примета: «...всем известно: ребенок, примеривший на голову венец, – недолгий житель».

В рассказе «Последний поклон» мы узнаем, что вера бабушки была очень сильной. Оказалось, что она свой христианский долг выполняла не только дома, но и в Минусинск и Красноярск ездила молиться. А еще совершила паломничество к святым местам – в Киево-Печерскую лавру, отчего-то назвав ее Карпатами.

Как мы видим, вера в Христа, а также отголоски языческих верований, вера в приметы и даже суеверия лежат в основе народного православия.

Витя Потылицын впитал в себя бабушкину мудрость. Это внутреннее народное христианское мировоззрение помогает герою в жизни.

Напрашивается вывод, что в семье с крепкими православными корнями, чтимыми народными традициями, родовыми устоями, ребенок вырастает сильным, способным противостоять злу холодного мира.

В повести «Стародуб» отражена неожиданная сторона религиозности русского человека – христианство в старообрядческих традициях. Мы попадаем в мир староверов – в кержацкое село Вырубы. Кержаки ведут замкнутый образ жизни со строгими религиозными правилами и традиционной культурой «вдалеке от мира». И такая «самоизоляция приводит их к духовному оскудению. Они угрюмы, невежественны, суеверны». Кержаки считают себя христианами, чтят древние традиции православия, соблюдают Божьи заповеди. Но... ближними, которых надо возлюбить, они считают только жителей своей общины. Когда кержаки подбирают на берегу чудом выжившего после крушения плота мальчика, они не помогают ему лечить раздавленную руку и поступают с ним жестоко. «Кержацкие устои и суеверия не знают жалости... И суеверие подсказало людям, что мальчишку прибило к берегу не зря... У малого башка трясется и глаз дурной... Бабы-староверки разбежались, закрещивая двуеперстием следы свои.» Убрать! Нет, убивать парнишку они не собирались. Большой грех! Они посадят его на плотик и оттолкнут. Плыви с богом! А куда, до каких мест доплывешь – это уже их не касается. И только охотник Фаефан идет против общины и спасает мальчика.

В результате исследования я пришла к выводу, что содержанием произведений Астафьев передает читателю свое уважение ко всему, что еще недавно называли пережитками прошлого. Русский человек, воспитанный в религиозно-культурно-бытовых народных традициях, вырастает с системой духовных ценностей, которые являются основой его православного мировоззрения.

Астафьев в своих произведениях показал народную религиозность как философию всего русского жизненного уклада. Народная религиозность соединяла в себе языческие и христианские начала.

Но самыми значимыми ценностями для В. П. Астафьева являются дом, семья, доброта, любовь, память и вера. Именно они дают человеку духовную опору и силу. Об этом мы узнаем из его произведений.

Мария Муртазина
Руководитель М. С. Ушакова

«Был бы характер, да добрые люди рядом...»

Несколько лет назад наша семья ездила в лагерь «Восток» в Усть-Качку. Вместе с нами из нашего района ездила еще одна семья. В ней воспитывалась слепая девочка Линда. Тогда ей было 10 или 11 лет, точно не припомню. Нам постоянно напоминали присматривать за ней, не оставлять, потому что ей трудно и она одна может не справиться в какой-нибудь ситуации. Сначала мы охотно присматривали за ней, пока это было нам самим интересно. А потом наблюдали за ней все меньше и меньше. А на третий день мы готовились к фестивалю, нас тогда учили танцевать, нам было очень весело, и мы просто забыли про девочку, нуждающуюся в нашей помощи. Мы не понимали, как трудно человеку, который не видит. Одна девочка увела Линду куда-то. Решили они пробежаться. Линда напрасно доверилась этой девочке, но ведь и она тоже ребенок. Когда они бежали, девочка забылась, не досмотрела за Линдой и та ударилась о столб. У нее появилась огромная шишка на лбу. Потом нам попало за нашу безалаберность, хотя обещали приемной маме Линды не спускать с нее глаз. Мне было очень

стыдно за то, что вместо того, чтобы помочь незрячему человеку, убежали танцевать и развлекаться.

Может быть, именно эта встреча с Линдой помогла мне стать более чуткой к людям с ограниченными возможностями. Об отношении к ним окружающих я прочитала и на страницах повести «Последней поклон» В. П. Астафьева. Эти люди есть и о них надо говорить и надо их видеть, не отгораживаться. Это касается всех нас, еще как касается! Виктор Петрович учит очень важному человеческому качеству – ценить и уважать каждого человека, находящегося рядом.

В рассказе «Далекая и близкая сказка» мы встречаем такого героя – Васю-поляка, живущего одиноко: «Жил в караулке Вася-поляк. Роста он был небольшого, хром на одну ногу, и у него были очки. Единственный человек в селе, у которого были очки. Они вызывали пугливую учтивость не только у нас, ребятишек, но и у взрослых. Жил Вася тихо-мирно, зла никому не причинял, но редко кто заходил к нему. Лишь самые отчаянные ребятишки украдкой заглядывали в окно караулки и никого не могли разглядеть, но пугались все же чего-то и с воплями убегали прочь».

Главное в жизни Васи-поляка – музыка, он играет на скрипке, которую первый раз в жизни услышал главный герой произведения – мальчик Витя. Он так говорит о Васе-поляке: «тот загадочный, не из мира сего человек, который обязательно приходит в жизнь каждого парнишки, каждой девчонки и остается в памяти навсегда». Если такой человек встречается кому-нибудь в детстве, он положительно влияет на него: неприязнательностью, скромностью, любовью к прекрасному: будь то музыка, песни или картины. Виктор Петрович Астафьев как будто знал, что мы, сегодняшние, становимся все более жестокими... И как это важно в наше время стать чуточку добрее и внимательнее к тем, кто рядом.

Хорошее отношение Вася-поляк, конечно, чувствовал и видел, особенно в доме бабушки Катерины Петровны. А она сидела его за стол пить чай, «жалостно поглядывала на Васю и протяжно вздыхала», а сама готовила для него навар из трав. Бабушка жалела Васю: «Слепнет человек». А вечером Вася играл на скрипке, играл для души. Наверное, тяжело было ему, он понимал, что надвигается страшное – слепота, а он одинок, что и чувствовалось в звучании скрипки. По словам Вити, музыка не просто зазвучала, а «из-под увала, из сплетений хмеля и черемух,

из глубокого нутра земли возникла и пригвоздила меня к стене». Какое глубокое проникновение в душу! Читаешь и словно ощущаешь эти чувства Вити. «Один я, один, кругом жуть такая, и еще музыка – скрипка. Совсем-совсем одинокая скрипка». Музыка помогает осознать что-то главное, она колдует, завораживает: «И не грозит она вовсе. Жалуются. И совсем ничего нет жуткого. И бояться нечего. Дурак-дурачок! Разве музыки можно бояться? Дурак-дурачок, не слушал никогда один-то, вот и... Музыка льется тише, прозрачней, слышу я, и у меня отпускает сердце. И не музыка это, а ключ течет из-под горы. Кто-то припал к воде губами, пьет, пьет и не может напиться – так иссохло у него во рту и внутри». Какое это счастье! Музыка ведет за собой, владеет сознанием. Музыка скрашивает одиночество Васи-поляка и помогает Вите: «Музыка эта рассказывает о печальном». Витя вспоминает девочку, «беленькую, смешливую, рука у нее сохнет. Обозники в город ее везти лечить».

Вася-поляк говорит прекрасные и глубокие слова: «Все проходит: любовь, сожаление о ней, горечь утрат, даже боль от ран проходит, но никогда-никогда не проходит и не гаснет тоска по родине...» Мне кажется, что Витя Потылицын не раз вспоминал эти слова человека, лишившегося родины, хотя говорил он их как будто не о себе, а о композиторе, написавшем музыку: «Давно уже нет композитора на свете. Но боль его, тоска его, любовь к родной земле, которую никто не мог отнять, жива до сих пор». Так жив и образ Вити-поляка, его музыка, его любовь к родной земле.

На примере Васи-поляка мы видим, как это важно – быть услышанным, понятым другими. Вася-поляк и его музыка обогатили душу Вити, наполнили ее пониманием чего-то нового, сокровенного в жизни...

А вот еще один интересный персонаж в повести «Последний поклон» – это двоюродный брат Вити Алешка. С ним мы встречаемся в рассказе «Запах сена», узнаем многое о нем и о Вите: «Мы оба сироты. У меня нет матери, у Алешки отца. Алешка в нашей семье особый человек – он глухонемой». Мне кажется, очень важное замечание по поводу Алешки, сделанное автором: «Алешку все жалеют, а я его люблю». Любовь к брату не мешает им драться: «Сильный он и злой. Мы то играем, то деремся. Бабушка разнимает нас, и мне дает затрешину, Алешке только пальцем грозит. Никто не трогает Алешку, кроме меня, потому что он и без того

«богом обижен». Но они оба – мальчишки, находятся на равных, наверно, это правильно – не показывать, не подчеркивать свою «здоровость» и физический недостаток другого. Вот и Витя замечает: «Поддаст мне Алешка, и я ему поддам, потому что никакой разницы между собой и им я не вижу. Мы спим вместе, едим вместе, играем вместе и вот за конями идем вместе».

Этим рассказом наше знакомство с Алешкой не заканчивается. В рассказе «Бабушкин праздник» узнаем, что прибыл Алешка в гости к бабушке (сейчас живет с мамой) и старается показать и растолковать Вите: «как рвет водою цинки на сплаве, какой дают сладкий кисель в столовке». Ребятишки долго жили вместе, поэтому научились без особых проблем понимать друг друга, и теперь Витя в качестве переводчика: «переводил нашей малой и старой родне Алешкины разговоры. Люди дивовались: «Ат смышленыш! Ат тебе и безъязыкай! Другому и с языком очки вставит!» И правда, молодец Алешка, старается жить полноценно, то, что он глухонемой – не грустит, ему многое интересно, всему хочется научиться: «Он еще в шахматы играть научился! – после долгих Алешкиных разъяснений вдруг понял я и заорал об этом на весь двор».

В рассказе «Легенда о стеклянной кринке» есть фрагмент, в котором Витя с Алешкой слизывают с кринок сметану. Инициатор – Витя. Ну как тут удержаться, если «стоят кринки в ряд на полке, темные, запотевшие, деревянными кружками да блюдами прикрытые, и вроде как дразнятся: «Ну, тронь! Ну, попробуй! Ах, вкусно!» Витя уже готов, а Алешка «пальцем мне грозит и по заду себя хлопает, показывая, какое возмездие ждет нас от бабушки. Ну и пусть – раз пальцем в кринку и облизываю его, да еще и жмурюсь от удовольствия. Алешка слюнки глотает и маячит мне, что палец грязный. Если уж черпать, так ловчее ложкой – и чище, и скорее. В две руки, двумя ложками быстренько мы работаем – обрабатываем кринки. И тут же пугливо в себе замираем, начинаем раскаиваться в содеянном». Первым повинится Алешка, попадет ему от бабушки, но и Вити придет черед... Какое детство без проказ?!

В рассказе «Пеструха» описывается важное событие – отелилась корова Пеструха, и ребятишкам позволили познакомиться с телянком и дать ему имя. Трогательная сцена. Алешке поручается ответственное дело – назвать телянка. Так решает бабушка: «Че Алешка – божий человек – велит, так тому и быть». До этого

поручения Алешка «блаженно улыбался, то гладил теленочка, то смотрел на нас, пытаясь угадать – чего же все-таки мы решим, к какому результату придем?» А теперь Алешка почувствовал всю ответственность: «перестал улыбаться, построжел, напрягся, рот его приоткрылся, и долго он был в оцепенении от скованности мысли, уж и слезы начали у него на глазах выступать, и несчастным лицо его делаться -- как всегда, когда он пытался понять и не до конца понимал людей со слухом и языком. Почти догадываясь, но все же не веря, какое ответственное, равноправное со всеми нормальными людьми, дело доверено ему, он еще раз настороженно обвел нас взглядом». И он выдыхает из себя: «Угха!» и начинает вытирать «слезы от напряжения, потраченного на мысль, звук и слово возникшие». Имя дано, бабушкой поддержано, искренняя радость у всех: «все мы от счастья запрыгали, заобнимали теленочка, затормошили Алешку, он цвел, улыбался, а по лицу его катились крупные светлые слезы радости...» Этот эпизод говорит о многом: внимании, человеколюбии. Но вряд ли взрослые, да и дети думали об этом, когда поручали Алешке имя теленку дать. Это врожденная доброта, ее нельзя придумать.

В рассказе «Где-то гремит война» Витя и Алешка уже повзрослели. Витя идет по морозу на помощь Алешкиной матери мимо школы для глухонемых: «В этой школе учился нелегкой своей грамоте и столярному ремеслу мой любимый братан – Алешка. Хорошо ему там, чучелу-чумичелу, привычно среди своей братвы, а зайдешь – и начнется: кто да что? Да почему?» Теплые чувства и мысли у Вити насчет брата. Признается, что всякое было: «Выросли мы с Алешкой. Набедовалась бабушка с нами».

Так и не зашел Витя к Алешке в школу, за что немножко ругает его тетка Августа: «Че же не завернул-то? Он как прибежит на выходной, спрашивает про тебя. Тоскует». А как может быть иначе? Виктор Петрович Астафьев пишет: «Сколько горя, насмешек и наветов перетерпела Августа из-за Алешки, не перечесать. Алешка выдался в отца драчливым и в мать трудолюбивым». А ведь какой человек получился! Читаем: «Как подросток, хорошо начал помогать матери и поддерживать ее, но сейчас он уже отрешанный ломоть, учится ремеслу. Он перворазрядник шахматист, по лыжам бьет все рекорды в школе. На селе про Алешку теперь говорят: «Вот те и на. Вот те и немтырь!..» Это пример для многих: может человек найти себя, добиться чего хочет, встать креп-

ко на ноги, было бы желание, сила характера да добрые люди рядом...

Вот такими я увидела героев с физическими недостатками в «Последнем поклоне» Виктора Петровича Астафьева. Им бывает часто одиноко, они нуждаются в тепле, как и другие, они чувствуют, тонко чувствуют искренность и вранье... И хочется повторять и повторять вслед за Астафьевым: **«Да и какая тут ущербность, господи!»**

*Анастасия Лусевич
Руководитель А. А. Печур*

Живое дыхание слова

В критике не раз говорилось про что, что язык В. П. Астафьева противопоставлен языку нормированному. В. Курбатов пишет: «Попробуем исключить из астафьевского текста все необычные и необщепринятые обороты речи и слова, и этот текст поблекнет, перестанет существовать».

В своих произведениях Астафьев передает живую народную речь. В его произведениях практически невозможно разграничить диалектную, просторечную, вульгарную и жаргонную лексику, поэтому легче ее обозначать одним термином – внелитературная лексика.

Так, при чтении рассказа «Конь с розовой гривой» именно язык произведения обращает на себя внимание в первую очередь. Даже в учебнике по литературе находим задание: «Выпишите все непонятные слова из произведений Астафьева. Попробуйте определить их смысл». И таких слов действительно очень много.

Повествование в тексте ведется от первого лица, но это рассказ-воспоминание, то есть автор вспоминает и показывает нам себя в то время, когда он был ребенком. Действие рассказа происходит в деревне, отсюда и все слова, используемые автором, выглядят органично.

Из всех героев больше всего богата «народными» выражениями речь дяди Левонтия и его детей, бабушки Катерины Петровны и даже дедушки, хотя он немногословен.

Речь дяди Левонтия практически полностью состоит из таких

слов: «ништо глаз не угнетат», «выдь отсюдова», «вы всешки при родителях», «что такое жисть». К тому же мы слышим не только речь, но и множество песен в его исполнении.

Вот одна из них:

*Приплыл по акияну,
Из Африки матрос,
Малютку облизыяну
Он в яшике привез.*

Также разговаривают и все члены его большой семьи. Это и тетка Васеня: «Долг-от я принесла», «облизьянка», «утворил это черное дело», и все ее дети.

Разговоры левонтьевских ребят мы слышим, когда они вместе с главным героем-рассказчиком идут в лес собирать землянику.

Их речь наполнена внелитературной лексикой, когда они либо о чем-то спорят или ссорятся, или когда испытывают сильное волнение.

Из всех «левонтьевских» больше всего таких слов у Саньки-среднего. Например, Санька рассказывает про свое путешествие в устье холодной пещеры: «Я бы дальше побег, в глыбь побег, да босый я, там змеев гибель». Или когда придумывает историю про домовых: «Дак тама какой домовой-то? Домашний. А тут пещернай. В мохе весь, серай, дрожмя дрожит – студено ему. А домовнихе я в глаз залимонил». Или когда дразнит главного героя: «Катерина Петровна тебе задаст! Ягоды-то мы съели! Нарощно съели! Нам-то ништяк». А так Сенька ловит рыбу: «Н-ну, прорвы! Ужель не видите, что ерш жабрами зевают? Токо бы слопать поскорейча. А ну как брюхо схватит, понос ешли».

Интересно передает Астафьев особенности речи самой младшей из «левонтьевских» – Танюшки. В ее словах мы слышим не только внелитературную лексику, но и фонетические особенности еще детской речи (Танюшка еще не полностью выговаривает все звуки): «Зато как тятка шурунет нас – бегишь и не запнешша», «Шанька сажрал, дак ничо – о – о...», «Жмеев?» (змеев).

Бабушка Катерина Петровна – это один из любимых персонажей Астафьева. Она верит в приметы и суеверия (например, чтобы вернуть утонувшую дочь, пытается замолить речку хлебушком) и старается жить по-честному, никогда не засматриваясь на чужое. Ее речь, чуть грубоватую, но искреннюю, мы слышим вначале и в конце рассказа:

«Ешь за столом, иначе худо будет», «Я-а-авишша домой, мошеник», «своих вечно потачил», «я вот еще лаврентьевских, пятнай их, в оборот возьму! Это ихняя грамота!» «сплавала, слава тебе, Господи, ягоденьки продала сходно», «Мой-то! Малой-то! Чего утворил! Послушай-ко, послушай-ко, девка!», «Умывайся, садись трескать!», «Эшь ведь какой смирененькай! Эшь ведь какой тиханькай!», «Глядишь, еще когда омманешь баушку».

Ее речь, как и речь дяди Левонтия, полна фольклорных элементов, например, пословиц и поговорок: «У них самих в кармане – вошь на аркане», «Брюхо болит – на краяху гладит».

Следующим произведением для анализа послужил рассказ «Яшка-лось».

Здесь мы находим внелитературную лексику в речи автора, но она также немногочисленна и используется им для передачи особенностей речи той местности, где происходит действие рассказа. «Забирала у баб дреколье поувесистей», «зарод», «проводылил лето», «дело о погублении Яшки-лося было закрыто». Большая часть «народной» речи принадлежит колхозному бригадиру. Возникает вопрос, почему же персонаж, в конце погубивший невинного Яшку, говорит на любимом автору языке? «Никто его не любил, а лошади любили» – так пишет про бригадира автор. Не любили его в деревне за то, что пил, а пил «с сорок второго года, с тех самых пор, как отпущен был из госпиталя по ранению». Наверное, эти строки автора служат некоторым оправданием. Таким бригадира сделала война, изменила внешне, но внутри он совсем другой. А животное (лошадь) всегда безошибочно может определить, хороший перед ним человек или плохой.

Речь бригадира полна просторечных и даже вульгарных слов: «Ты где шляесси? Ты что об себе понимаешь, икуда? Пляшешь, пала, танцуешь? А робить кто будет?», «А, морда беспачпортная!», «Я ведмедя топором зарубил по пьянке, тигру немецкую пэтээрм утробил...» Но такие, как бригадир – это тоже народ, такой, каким он был на самом деле. В речи и поведении этого персонажа нет ничего вымышленного, все настоящее.

Отличается от двух предыдущих произведений рассказ «Курица не птица». Действие в нем происходит не в деревне, а в военном поезде. Носителем любимого «деревенского говора» в рассказе в основном является Анастасия Поликарповна Корбакова, которая работает проводницей на военном поезде. «Она так и не утратила вятского сыпучего говорка», – любовно пишет про нее

автор, тем самым объясняя особенности ее речи. «Окаянные! Чисто ребятишки!», «Охреди вы, охреди! Эко вагон устряпали! Мне тут месяц скрести не отскрести!» И снова в этих грубых словах слышится нам душа настоящего русского человека!

Итак, проанализировав прочитанные произведения, мы пришли к следующим выводам.

Больше всего внелитературная лексика встречается не в речи самого героя-рассказчика, а у других персонажей. Если изучить ее, то видно, что больше в ней не диалектных слов, а просторечия и вульгаризмов. Но в отличие от литературного языка, где такие слова считаются нарушениями, в астафьевском тексте они играют существенную роль. Во-первых, они показывают нам особенности речи в той местности, где происходит действие произведения (за это отвечают диалектизмы), во-вторых, помогают автору передать эмоциональное состояние героев (это видно через употребление просторечной лексики и вульгаризмов).

К тому же внелитературная лексика в произведениях Астафьева играет еще одну очень важную роль. Она показывает неразрывность писателя с самим народом, его искренность и подлинность происходящих событий. И читатель безоговорочно доверяет таким произведениям, нисколько не сомневаясь в их правдивости.

Екатерина Лукьянова
Руководитель С. А. Сушек

Все начинается с детства

«...Безыскусная интонация, удивительное знание жизни, крестьянская простецкая мудрость сочетались в его творчестве с поразительным изяществом всей его личности...»

Именно таким – бескорыстным и честным, искренним и радужным – остался в памяти современников великий русский писатель В. П. Астафьев.

Обостренно чуткая от природы душа автора, приметливый к любой мелочи глаз, а главное – открытое всему миру трепетное сердце, воплотили в простом деревенском мальчишке черты народного заступника. Таким видится В. Астафьев своим современникам.

Понятие жизни неотделимо в творчестве Астафьева от природы. Произведения призывают восстать на ее защиту, раскрывают нравственно-философское содержание отношения человека к ней: гибель природы и утрата нравственных опор в человеке показаны как взаимообратимые.

Все это – характер, поступки – берут начало в детстве. Мир, окружающий подростка, формирующий не только его самого, его характер, но и главное – душу его, описан В. П. Астафьевым ярко, колоритно и очень наглядно.

Литературными приемами, отображающими черты характера подростка, являются: поступки, речевая характеристика, отношение к семье, отношение к событиям, отношение к природе, по сути, ко всему живому.

Продолжая свое исследование по выявлению доминирующих духовных качеств героев в произведениях В. П. Астафьева, мы выделили несколько факторов, влияющих на формирование характера подростка:

- самовоспитание, стойкий характер;
- ценности, заложенные членами семьи, родственниками, друзьями, знакомыми, соседями;
- влияние природы.

А какие же проблемы приходится решать подросткам, в числе которых был и сам Астафьев в детстве?

Это сиротство, недостаток внимания (проблемные отношения со сверстниками) и в связи с этим – уязвленное самолюбие ребенка.

Способы решения проблем, предлагаемые автором:

- старшее поколение частично восполняет недостаток родительской любви, окружая ребенка заботой и лаской, но в то же время пытается привить ребенку жизненный опыт, указывая на совершенные ошибки, и предостерегая от дальнейших проступков;
- ребенок самолично воссоздает собственный характер, линию поведения, налаживает отношения со сверстниками.

Уже сложившийся облик самого В. Астафьева-рассказчика, работающего в жанре социально-бытового повествования, на глазах меняется, приобретает черты писателя, стремящегося к обобщенному восприятию мира, к символическим образам. Написанные от первого лица рассказы о трудном, голодном, неповторимом деревенском детстве объединяет чувство глубокой бла-

годарности судьбе за возможность живого, непосредственного общения с природой, с людьми, умевшими жить «миром», спасая ребятишек от голода, воспитывая в них трудолюбие и правдивость.

Именно так В. П. Астафьев стремился раскрыть свои самобытные жизненные взгляды.

Ирина Дзюбина
Руководитель Н. Е. Ермакова

Доля женская, горькая...

«Тридцать уж лет минуло, а все слышит мать ночами легкие босые шажки, протягивает руки, зовет, зовет и не может дозваться сына. Сон ее кончается всегда одинаково: ввысь, по горной дороге, меж замерзших хлебов, осиянный солнечным светом, уходит от нее маленький мальчик в белой рубашке...»

Эти строки, на мой взгляд, самые пронзительные, грустные, шемящие в рассказе В. П. Астафьева «Мальчик в белой рубашке». Рассказ берет за душу, он никого не оставляет равнодушным.

Материнское горе. Его ничем не измерить, ничем не успокоить матерей, потерявших своих детей. Поражает сила материнской любви. Многих похоронила за свою нелегкую жизнь тетка Апроня. «Однако поминает она их редко, оплачет, как положено, в родительский день на кладбище и успокоится. Оплаканы, преданы земле люди – значит, душа их упокоена, на своем вечном она месте». Вот только неизвестность судьбы Петеньки не дает ей покоя, лишает сна, тревожит душу, потому что горе матери сильнее вдвойне, если не знает она могилы своего сына.

И возникают вопросы: «Кто виноват?», «Почему произошла трагедия?»

Засушливое лето тридцать третьего года. Осыпаются и перезревают хлеба. И чтобы собрать кое-где уцелевшие рожь и пшеницу, население села переселилось на заимки. Но разве могут дети долго обходиться без родительской ласки и внимания? И поэтому «Вот эта-то компания, задичавшая без взрослого присмотра и сковавшаяся по родителям, решила податься на пашню, к матери». В. П. Астафьев с иронией замечает: «У мужчин такого возраста

колебаний, как известно, не бывает, и коли они что замыслили, то уж непременно и осуществят».

Ребятишки не думали о трудностях пути, желание увидеть свою мамку придавало им силы, да помогала «...смекалка деревенских детей, сызмальства привыкших жить своим трудом, и догадливость». Автор описывает, какие препятствия преодолели совсем еще маленькие дети: горную речку с завалами, таежную седловину с каменными останцами, обвальный спуск в раскаленное ущелье. Тайга как будто заставляла их повернуть назад, уйти от беды. «Каким образом троица шла, где сил набралась – объяснить трудно». Еще ничего страшного не произошло, а чувствуется, что надвигается беда.

Устали Санька и Ванюха, а тут еще и Петенька хнычет, идти дальше не хочет. Уговоры и заманивания не помогали. Вот тогда-то и родилась, казалось бы, безобидная ложь. «...они показали ему на желто скатывающуюся с крутого косолюбка полосу, где виднелись работающие люди: «Мама там. Она теплую шанежку и шкалик молочка Петеньке припасла».

Если бы знать, к чему эта ложь приведет?

Если бы братья сморенно не заснули под навесом.

Если бы мать почувствовала своим сердцем беду.

Если бы...

И вышел Петенька за ворота заимки, помня и про маму, и про шанежку, и про шкалик с молоком, но не попал он на желтую полосу, где работала его мать, а убрел от дороги.

А мать, «пропеченная солнцем, оглохшая от усталости», ни на минуту не забывает о своих детях, представляет, сколько радости будет у ее мальчишек, когда она даст им гостинец – землянику, собранную по росе, да шанежку с молоком.

«Скорей бы упряг одолеть, скорей бы солнце закатилось – и жница с поля напрямки побежит в село через гору...» Соловьи-разбойники, так ласково называет она своих сыновей, переживает, не наделали бы чего.

«Нет, не предсказывало материнское сердце беды. Глохнут, притупляются чувства и предчувствия у тяжело уставшего человека». Изможденная от непосильной работы, она вмиг преобразается, увидев своих детей. И усталость куда-то уходит, только радость от встречи. «Парни-то мои идут! Ножонками чапают! Муха-то моя жужжит, ягоду медову ищет. Бычок мычит – молочка хочет» – запела мать». Еще с большей любовью описывает

В. П. Астафьев детей: «Старшенького Мухой кличут – легкий он, жужливый, непоседливый. А Ванюха воловат, добр, песни петь любит, но как разозлится – почернеет весь, ногами топает и руку себе кусает. Быком его дразнят. У младшенького нет пока ни характера, ни прозвища».

Автор не описывает, что стало с матерью, когда она услышала, что Петенька пропал. Да и зачем? Проницательный читатель сам может прочувствовать горе матери, понять ее состояние.

«Много дней кружила мать вокруг полей, кричала зверем раненым, пока не обезголосела и не свалилась без сил наземь».

Кто виноват? Нет ответа.

«Но где же, в каких лесах и неведомых пространствах беспризорно бродит неприятная детская душа?..»

Никита Ежов

Руководитель Н. С. Пьянкова

Помнить всю жизнь...

Поклонись до земли своей матери

И отду до земли поклонись!

Мы пред ними в долгу неоплаченном –

Свято помни об этом всю жизнь...

Мать... Отец... Их не стало еще в далеком детстве, когда Виктор Петрович Астафьев был семилетним мальчиком. Ему повезло, что после таких потерь у подростка есть человек, который навсегда станет ему всем тем, что есть на этом свете дорогого.

Так вот и случилось, что большую часть своей жизни В. П. Астафьев провел со своим самым любимым человеком на Земле – с бабушкой, Катериной Петровной. Именно с ней и прошел трудный период детства, период становления и взросления. Период, который оставил много светлых воспоминаний. Все это мы узнали из биографий самого писателя и его автобиографической повести «Последний поклон», которая состоит из рассказов, передающих атмосферу того непростого времени. Самый последний рассказ в повести, где автор обращается к дорогому ему образу, также называется «Последний поклон».

Согласитесь, читатель, что как раз этот рассказ крепче других связывает автора повести и его родную и любимую бабушку. Виктору Петровичу очень важно было рассказать о ней людям. Именно эти страницы воскрешают светлую память о ней.

«Бабушка, бабушка! Виноватый перед тобою, я пытаюсь воскресить тебя в памяти, рассказать о тебе людям. Непосильная это работа. Нет у меня таких слов, которые передали бы всю мою любовь к тебе!» Эти слова исполнены покаяния и горечи утраты.

Автор описывает и их последнюю встречу, «свидание с бабушкой на родном деревенском берегу». Автор как бы заново проживает свое детство. Все по-прежнему («кольцо ворот, ставни окон открыты, скрипучие половицы...»), но время ушло, его не воротить. А как изменилась бабушка! «Какие маленькие сделались руки! Кожа на них желта и блестит, как луковая шелуха. Тело, мощное бабушкино тело, уже не справлялось со своей работой...»

Какие чувства испытывает автор? Разные... Переживания, сожаления, чувство тревоги, вины и, конечно же, раскаяния...

Все было в жизни героя: и шалости, и обманы, и непослушания. Но у бабушки всегда находились слова прощения. Эти слова были уроками доброты, уроками на всю жизнь. Это были слова «главного воспитателя в жизни».

Стоит еще заметить, что Катерина Петровна называла своего внука «батушко». Возможно, что она его так звала потому, что Витя был ей таким дорогим, почти одним из святых...

Последняя встреча... Последний взгляд... Последние объятия... А почему, собственно, «Последний поклон»?

Последний поклон можно понять в двух смыслах. Это и прощание с детством: «Вот и перелистал я страницы детства». По моему мнению, в этой строчке и кроется первый смысл словосочетания. Потому что для Виктора Петровича детство действительно прошло. Военное время тоже закончилось.

Второй смысл раскрывается именно в «последней встрече с бабонькой». Последний поклон человеку, который сыграл большую роль в жизни главного героя. В этом последнем поклоне у писателя «...в сердце живет вина. Гнетущая, тихая, вечная». «Согревает меня лишь одна надежда, что люди, которым я рассказал о тебе, в своих бабушках и дедушках, в близких и любимых людях отыщут тебя и будет твоя жизнь беспредельна и вечна, как и вечна сама человеческая доброта».

Наталья Зайковская
Руководитель Н. А. Морева

«Так хочется жить!»

*Во здравие живых
во славу павших
побратимов-окопников.*

В. Астафьев

«Стою перед памятником, а с фотографии на меня смотрят глаза сержанта. Умные такие, пронизательные глаза. Глаза зрелого, многое повидавшего человека. Смотрю и не могу поверить, что этот человек был моим ровесником: ему было всего семнадцать лет, когда он погиб при обороне Плоского...», – это рассказывал мне одноклассник Женька Барадаков, побывавший в этом году на раскопках в Тверской области, где в декабре 1942 года велись жестокие бои с фашистами.

Слушая Женьку, я и сама не могла представить погибшего юношу с глазами старика. Для многих из нас, представителей Интернет-эпохи, слова «мужество», «патриотизм», «смелость» кажутся отголоском давно прошедших событий – тех самых, которые закрутили в своем черном вихре людей, совершенно разных по своему возрасту, опыту, мироощущению, но объединенных одним временем и пространством.

Мы, дети двадцать первого века, никогда не сможем понять наших дедов и прадедов, многие из которых были детьми войны. Дети войны! Странное словосочетание! Разве дети могут оставаться детьми на войне?! Я помню рассказы бабушки о том страшном времени. Она и ее сестры, будучи детьми, испытали на себе всю тяжесть войны. «Так хочется есть, пить, спать...» – думаем мы порой. «Так хочется жить!» – думали они.

«Так хочется жить!» Это желание читалось в глазах раненого солдата, голодного ребенка, смертельно уставшей женщины – всех, кто прошел через Великую Отечественную войну. Именно это восклицание является названием повести, написанной в 90-е годы XX века Виктором Петровичем Астафьевым. «Вдоль дороги и в поле рассыпью бугорки чернеют. Иные горящие танкисты в кювет заползли, надеялись в канавной воде погаситься, и тут утихали: лица черные, волосья рыжие, кто вверх лицом, видны

пустые глазницы – полопались глаза-то, кожа полопалась, в трещинах багровая мякоть. Мухи трупы облепили. Привыкнуть бы пора к этакому пейзажу, да что-то никак не привыкается» – жестокая действительность войны, иронически именуемая писателем «пейзажем». Она соседствует с несправедливостью и насилием: «Копляше отчего-то подумалось, что вот этого-то командира как раз и убьют на войне – война хороших и добрых не шадит, и Бог, говорят, их к себе призывает».

Вы представили себе эту картину? Наверняка вы испытали при этом горечь, отвращение, чувство тошноты. А теперь представьте, что изо дня в день вы видите эту действительность: недели, месяцы, годы... Страшно? Заставьте еще немного поработать ваше воображение и добавьте одну маленькую деталь: вам шесть лет. Не можете? Вам это кажется слишком жутким? Хорошо, давайте немного увеличим ваш возраст. Пусть будет четырнадцать лет. Попробуйте посмотреть на войну глазами подростка.

Вместо того, чтобы сидеть за партой, вы работаете в поте лица с раннего утра до поздней ночи. Захотелось есть? Пожалуйста! Что вы предпочитаете: вареные картофельные очистки или варено из отрубей? Что? Думаете, что долго не протянете на такой пище? Придется. Ведь вы тоже – человек на войне.

На самом деле я не описала и половины трудностей, о которых рассказывает писатель-фронтовик В. П. Астафьев, с которыми пришлось столкнуться и детям. Да и как рассказать о том, что многие малыши разучились смеяться, научились не плакать, ведь часто за слезы немцы наказывали расстрелом. Как рассказать о том, что в лагерях дети выполняли особую работу: выносили человеческий пепел из крематория, наполняли им мешки, чтобы потом этим прахом удобрять землю. А еще становились донорами – сдавали кровь для немецких солдат... Разве все это можно передать словами? А ведь «все было. Все было», – пишет В. Астафьев.

Да, ребятам пришлось повзрослеть намного раньше времени. Лет так на тридцать. Иначе выжить и противостоять жестокости войны, ее несправедливости и бесчеловечности не было никакой возможности. А выжить так хотелось!

Нам, детям двадцать первого века, надеюсь, никогда не придется испытать такое. Низкий поклон за это нашим дедам и прадедам. И молодому сержанту, о котором рассказывал Женька. И другим солдатам – всем, кто poleg на фронтах суровой войны и кто остался жив. А еще тем, кто хотел донести ее уроки до

нас. Это писатели и поэты, кто тоже знает все о войне: Константин Симонов, Эрих Мария Ремарк, Борис Васильев, Василий Шукшин, Юрий Герман, Александр Твардовский, Павел Коган, Николай Кульчицкий, Николай Майоров, Юлия Друнина, Ольга Берггольц, Вера Панова... И конечно, Виктор Петрович Астафьев.

Софья Ассанова
Руководитель М. С. Ушакова

«Наше село придавило голодом...»

Читая повести В. П. Астафьева, а также слушая рассказы бывших фронтовиков, мне, современному человеку, все-таки нелегко представить, что такое голод. Об этом наглядно и детально пишет Виктор Петрович.

Как герои его произведения переживают голод? Опускаются ли, теряют ли человеческое лицо, ломает ли их голод? Обратимся к его рассказам, из которых состоит повесть «Последний поклон». Наверно, этот поклон предназначается от имени автора не только близким, а всем людям за то, что уберегли, насколько это было возможно, от голода, сберегли жизнь... Виктор Петрович вообще говорит, что голодно было, но несколько раз называет, как особо голодный год – 1933-й.

В рассказе «Гори, гори ясно» В. Астафьев сначала рассказывает об игре в так называемые «бабки».

Голод голодом, а играть ребятишкам все же хотелось, и нужда гнала их: «Добыть деньги в ту пору не так-то было просто, требовалась смекалка, надо было мыслить, изворачиваться. Мы собирали утильсырье, выливали водой сусликов из нор, ловили капканами крыс и оснимывали их». Это один путь. А вот другой выход, который находили мальчишки: «Иные парнишки начали шариться по карманам родителей, мухлевать со сдачей в лавке, тащить на продажу что худо лежит, приворовывать друг у дружки. Ребята сделались отчужденней, разбились на шайки-лейки, занялись изготовлением ножей, поджигов-пистолей и стыдились не только ввязываться в игру с бабочниками, даже и вспоминать стыдились о том, что когда-то могли забавляться такой пустяковой и постыдной игрой. Кеша наш и тот

в конце концов продал свои крашенные бабки, изладил поджиг из ружейного патрона, принялся поворовывать у отца спички, порох, чтобы, обмирая от страха, пальнуть в заплот или в пташку».

Астафьев обращается к 1933 году и горько говорит о нем: «Тридцать третий год все подмел по сусекам, сундукам, по амбразу и двору. Дед, как оказалось после, не бастовал, он отбывал свои последние сроки на земле». Вот как голод разошелся, придавил людей, «подмел»... Что помогало выжить? Ответ Астафьева: «Держались лесом, огородом и тем, что изредка давали нам тетки и дядья, да и у них свои семьи и нужда своя». Значит, трудолюбивым должен был быть человек, чтобы выжить, руки свои приложить, а если учесть, что речь идет о стариках, то понятно, что им выживание, пропитание обходились дороже. Родственники, пусть немного, но тоже пытались им помочь, болело сердце за родных.

«Земли колхозу не хватало. Какая в наших камнях земля? Там клочок, тут вершок, и при всем этом самые лучшие пашни пустили на распыл – на левой стороне Енисея, что по-за островом, оттяпало овсянскую землю подсобное хозяйство института, на фокинском улусе ... расположилось подсобное хозяйство другого института – разохотились городские на дармовую землю, тем временем колхоз имени товарища Шетинкина, и без того едва теплящийся, чадил как восковая свечка, пока совсем не угас. И когда я ныне слушаю удивленные речи: откуда, мол, и как появилось варварское отношение к земле, равнодушие к ней? – могу точно указать дату: в родном моем селе Овсянке это началось в тридцатых годах, в те бурные, много нам бед причинившие дни».

Нехватка рабочих рук в доме. «Тем летом, как на грех, поссорился с бабушкой и ушел в другой дом Кольча-младший, оставив с нами первую жену. Какое-то время жена Кольчи-младшего жила с нами, потом забрала ребеночка и тихо уташилась домой. Безлюдно, пусто сделалось в нашей избе...»

Лучший кусок ребенку – закон в доме бабушки. «Однако моя жизнь как направилась, так и шла отлаженно: хлеба кусок, молочишка плошку, пару картох – и готов к сражениям боец, и потому я не особенно понимал, что значит для нас пять гривен, считал, что бабушка подлиннее называла пятьдесят копеек для того, чтобы шибче уязвить меня».

В рассказе «Ангел-хранитель» Астафьев снова обращается к го-

лоду, причем связан он с тем же 1933 годом, и в жестоких условиях оказываются многие: «Наше село придавило голодом». Слово-то какое подобрано – «придавило», как гнет, груз, а масштаб-то какой – село.

Голод вытесняет, изгоняет радость в любых ее проявлениях: «замолкли песни, заглохли свадьбы и гулянки». Пришло время напряженного беззвучия, безжизненности. Наступает ощущение давящей тишины, ненормальной тишины: «притихли собаки, не стало голубей. Шумные ватаги ребятишек не сыпались на санках с яра». И как вспышки страшных звуков предсмертных мук: «скотина во дворах ревела под ножом, кони начали падать среди улиц». Люди лишают жизни своих кормилиц – коров, потому что нечем их кормить. Даже глазам не на что посмотреть и порадоваться: «Сразу захмурили и вроде бы состарились дома. Углы у них были, как челюсти у голодных людей, сухи и костлявы». Вот так коротко, емко, на уровне внешних признаков, что можно увидеть, и на уровне звуковых признаков, что можно услышать, Астафьев конкретно, детально и в то же время обобщенно дает портрет Голода, страшного, беспощадного, масштабного.

Но люди не сдаются, не в их это правилах, они ищут возможности-направления к выживанию, они изо всех сил цепляются за жизнь: «Кто как, кто чем добывал в эту пору пропитание. Охотники шастали по тайге, отыскивали диких коз, сохатых, маралов, медвежьих берлоги». Все как будто против человека: и природа, и звери: «Но снега в ту зиму были глубокие. Кроме того, есть поверье, будто людская беда чувствуется и зверьем, якобы отходит зверь дальше в тайгу и в неприступные горы».

И удача, такая нужная в эту пору, отворачивается от людей. Но несмотря на все, «удачливый человек Александр Ярославцев все же добыл медведя. Братья Бретехтины и Саламатин-старик привезли коз». Не только о себе эти люди заботились, они понимали, как невыносимо голодно другим, но невозможно всем помочь: «Поделились охотники с соседями чем могли, но у каждого своя семья, родни и друзей не перечесать». Каждая небольшая история, связанная с пропитанием, становится для людей настоящим событием. И главное, наверно, в этих событиях то, что люди не теряют человеческого лица, чувства сопереживания.

Еще одна возможность-шанс выжить – это город, которому Астафьев дает неоднозначную, порой противоречивую характе-

ристику: «Город всегда был бедой и выручкой наших селян. Он потреблял деревенскую продукцию: дрова, молоко, мясо, рыбу, овощи, ягоды. Он одевал и спаивал. Он был гостеприимен, пока получал из деревни, что ему надо было. С пустыми руками и с порожними подводами город встречал мужиков неохотно. Он и сам был голоден, этот большой и теперь неприветливый город». Люди продолжают искать выходы из создавшейся ситуации: «В тот год, именно в тот год, безлошадный и голодный, появились на зимнике мужики и бабы с котомками, понесли барахло и золотишко, у кого оно было, на мену, в «Торгсин».

Дав общую картину происходящего, Астафьев переходит к своей семье, тоже страдающей от голода. Как настоящий оплот, сильный по характеру человек, надежда семьи – бабушка Катерина Петровна: «Наша семья, ведомая бабушкой, изворотливой в хозяйстве, предприимчивой в делах, не раз голодавшей и бедовавшей за свою жизнь, мало-мало перебивалась. Бабушка усохла. Кость на ней выступила, а характер ее, крутой и шумный, заметно смягчился». Но она не сдается, наверно, силы ей придает и чувство ответственности за внука, безграничная к нему любовь и забота.

На что и на кого еще надеяться? Жить-то как-то надо. Пришла очередь и семьи Вити топтать тропинку в город: «Бабушка затолкала в котомку вязанные праздничные скатерти, отнесла их в город и променяла на хлеб. Потом дедушкин новый полушубок отнесла, потом свою, бережно, по деревенской традиции хранимую – для смертного часа – одежду: платье, чулки, платок, чуваки и нижнюю бязевую юбку». Бабушка отдала все вещи, даже похоронные. Она уже ничего не жалела, жертвовала всем, чтобы прокормить свою семью. Все остальное отходит на второй план. Действительно, все будет, если сейчас они выдюжат, выдержат, выстоят. Ничего, что старинный сундук стал почти пустой – «никаких лампасеек, никаких лакомств больше в сундуке бабушки не хранилось».

Но ситуация все ухудшается... В. Астафьев пишет: «Есть надо было каждый день» и горько добавляет: «а барахло на рынке все падало и падало в цене. Да и сколько барахла в крестьянской семье, которая никогда не жила в больших достатках?»

Одна из очень важных вещей для бабушки – швейная машинка, которая была стара, которую бабушка знала наизусть, знала ее характер и относилась почти как к живой, так как любила.

Заслуживала того машинка – «бабушка обшивала на ней почти полсела». И тут мы видим еще одно доказательство голода – «в голодный год шить никто ничего не приносил». Но машинка необходима все равно, поэтому забегающие в дом «бабы все же с беспокойством заглядывали в нашу горницу – здесь ли машинка?» Машинка превращается в своеобразный символ веры – «пока есть машинка, стоит на своем месте – живы и надежды на то, что минуют беды, что поработает еще она, будут люди шить обновы».

А положение все ухудшается: «Начали и мы есть картофельные очистки, неободранное просо пополам с мякиной, всякую дрянь стали есть». И хотя Витя «всегда был в семье на особом положении: всегда отделялся самый лучший, самый сладкий кусок», мальчик, страдающий ревматизмом, переболевший лихорадкой, «ослабел скорее всех. Начал опухать», «ноги перестали... слушаться, ходил, шатаясь, голова кружилась». Все в семье переживают: «тягостно и угрюмо сделалось в нашем доме». И больше всех бабушке, взгляд которой, «иссушенный бедою», все дольше задерживался на внуке, стойкость ее пошатнулась... Она так и заявила (как эмоционально уточняет Астафьев, «взревела»): «Пропадет парнишка. А он пропадет – и я не жилец на этом свете. Я и дня не переживу...» – после того как еле выходила Витю, когда наелся он мерзлых картошек с молоком и солью.

Бабушка с Кольчей-младшим для спасения Вити пошли на жертву – обменять на продукты последнюю память, оставшуюся от матери Вити – золотые сережки. Бабушка говорит о безвыходности ситуации: «Тебе сберегчи хотела. Память о матери. Да наступил черный день...» – и отправляет, перекрестив, Кольчу-младшего... Подкосило бабушку, как она переживает, хотя и поступила правильно: «пластом лежала бабушка на кровати и не шевелилась, не ругалась, не творила молитв, лишь глаза ее светились во тьме недвижимым, лампадным светом».

Благодаря золотым сережкам, голод на короткое время отступил: «Кольча-младший принес из города пуд муки, бутылку конопляного масла и горсть сладких маковух – мне и Алешке гостинец. И еще немножко денег принес. Все это ему выдали в заведении под загадочным названием «Торгсин», которое проносились в селе с почтительностью и некоторым даже трепетом». При таком голоде в семье не забывают ребятишкам

гостинцев, пусть чуть-чуть, но принести, порадовать детскую душу... А хозяйственная, экономная, заглядывающая вперед «бабушка завела квашню, намешала в муку мерзлых картошек, мякины, чтобы получилось побольше хлеба», чтобы и семью накормить, и Кольчу-младшего отправить на работу на молотьбу. Голод, как известно, – не тетка, надо заработать хлеба. Дедушка не усидел на месте – «нанялся пилить дрова в сельсовет». Дом опустел, «дверь в горницу заколотили, чтобы не жечь лишние дрова».

Опять забота: «Мука из «Торгсина», как ее ни растягивала бабушка, вся до пылинки исстряпалась, надо было что-то снова есть». Заработанных «ослабевшим от голода дедушкой» денег хватило на... «серый, в банный таз величиною, каравай», купленный и принесенный ослабевшей бабушкой издалека. И что? Праздник? Нет, потрясение – «каравай оказался с начинкой, туфтой, как на блатном языке говорилось. Он только сверху каравай, в середину же запечена мякина». Что испытали бабушка и дед?!

«Дед стоял с ножом в руке над разрезанным караваем и не поворачивался к нам. Спина его, плечи, руки обвисали все ниже, ниже, будто сделался он весь тряпичный, будто и кости смолотись в нем сразу, и стал он меньше ростом». «Всего деда трясло, он все бубнил, бубнил чего-то. Бабушка проклинала себя: где были у нее глаза?! – спрашивала. Лучше бы ей помереть. Счастьем бы она посчитала, если б не дожила до этих дней, не видела бы такого злодейства и жульничества».

И в ситуации, когда самим есть нечего, бабушка не может пройти мимо черненького, мохнатого комочка – щенка: «Тоже жрать хочет». Каким надо быть сильным и душевным человеком, чтобы голод не уничтожил в тебе человеческого. Сама бабушка понимает – «до собак ли?», а сердце дает команду – «спаси!» И зов души оказывается сильнее, результат – спасена собачья жизнь, которую бабушка поддерживает: «вернулась бабушка, принесла на дне подойницы молока и первым делом плеснула шенку». Конечно, о семье не забывает: «вынула чугунок из печи, налила всем кипятку и забелила его молоком». Все едят – всем хорошо: «мы макали корки в чай. Ел дедушка, ела бабушка, ел я, ел лохматый шенок». И бабушка, уже успокоенная сама, успокаивает других: «Каждой Божьей твари жить надобно. Ничего, мужики, ничего, крута гора, да забывчива, лиха беда, но избыв-

чива. Выкарабкаемся. Вот коровенка, Бог даст, скоро отелится. Кольча, может, хлеба заробит. Нам бы до весны, до травочки дотянуть...» И дотянули.

Выдюжили, держась друг за друга, помогая друг другу.

Наталья Ежова

Руководитель О. Л. Виссарионова

Ангел-хранитель Катерина Петровна

В произведениях Астафьева отразилась почти вся биография писателя. «Я родился при свете лампы в деревенской бане. Об этом мне рассказывала бабушка», – напишет Астафьев в «Звездопале».

Ему не было еще и семи лет, когда он потерял мать. Она утонула в Енисее. С той поры река отметиной пройдет по всем его произведениям, он проведет на реке свои лучшие часы, дни, о которых напишет книги, и в каждой из них он помянет свою мать. Она останется в его жизни светлой тенью, воспоминанием, прикосновением...

В одном из очерков В. П. Астафьев написал: «Если бы мне было дано повторить жизнь, – я бы выбрал ту же самую, очень насыщенную событиями, радостями, победами, поражениями, торжествами и горестями утрат... И лишь одно я бы попросил у своей судьбы – оставить со мною маму. Ее мне не хватало всю жизнь, и особенно остро не хватает сейчас...»

Не будь сиротства, Астафьев бы, я так думаю, и «Последний поклон» не так написал. Но он собрал в этой книге, как в большущей сибирской избе, всю свою родню. Всех земляков, чтобы согреться возле них и согреть нас, его читателей, воспоминаниями о своем детстве.

Давайте взглянем в лица дорогих и близких сердцу писателя людей, к которым он сохранил благодарную память на всю жизнь.

Рассказ «Ангел-хранитель» вошел в сборник «Последний поклон», который создавался в течение долгих двадцати лет. Это автобиографическая повесть.

Действие рассказа происходит в голодный 1933-й год. Голодает деревня, голодает семья. Витя слабеет от голода, именно поэтому бабушка решается на продажу серег – единственной па-

мяти о его матери. Но даже в такие тяжелые времена находятся люди, способные на обман. И они, без сомнения, вызывают лишь презрение.

Полной их противоположностью является бабушка – Катерина Петровна Потылицына. Память писателя воскрешает и внешний облик, и отчетливо звучащий голос бабушки – «то ласковый, то бранчивый, то песенный». «Живой, любовью согретый и любовью одаривающий» образ бабушки Катерины Петровны проходит через всю повесть. Стойкая, оптимистично настроенная, даже в столь непростое время не сомневающаяся, что все изменится к лучшему – ее образ вызывает симпатию, уважение, даже преклонение. Она остается человеком в любой ситуации. Именно бабушка приносит в дом «ангела-хранителя» – «черненького лохматого комочка», Шарика. Катерина Петровна уверена, что теперь все наладится. И этой верой она заражает домочадцев. Поражает и Витьку, и читателя ее умение в самые трудные минуты поворачиваться к миру: голодно в деревне, а она несет в дом брошенного шенка. Ангел-хранитель – это, безусловно, сама бабушка. Она оберегает, охраняет, вселяет веру в себя и окружающих, и, кажется, что Бог, внимая ей, помогает пережить трудности и отчаяние.

Через бабушку, дедушку, дядьев и теток своих постигал Астафьев в буднях, в работе, в заботах общинную русскую традицию, здоровые земные корни, красоту и суровость родной сибирской земли.

Доброта, взаимопомощь, любовь, жертвенность – вот то светочное начало, которое дает жизнь душе ребенка.

Долг свой перед бабушкой – «рассказать о тебе людям» – писатель Астафьев выполнил. Его согревала надежда на то, «что люди, которым я рассказывал о тебе, в своих бабушках и дедушках, в своих близких и любимых людях отыщут тебя».

Екатерина Дерендяева
Руководитель Н. С. Пьянкова

«Пряник конем!»

«Пряник конем! Это же мечта всех деревенских малышей. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, глаза розовые, копыта тоже розовые».

Так начинается автобиографический рассказ В. П. Астафьева, чье имя связано с Пермским краем, чьи рассказы не оставляют равнодушными никого, чьи сюжеты остаются в памяти надолго. Много лет читают этот трогательный рассказ мальчишки и девчонки и не перестают размышлять о поступках его героев.

Не о путешествии мечтает главный герой и не о покупке какой-либо игрушки, а всего-то о прянике, который «можно засунуть под рубаху и со счастьем убеждаться, что тут он, конь-огонь!..»

Почему же о прянике? Плохо одетые, обутое, вынужденные беспризорничать, ребятишки мечтали о сладостях (что, впрочем, свойственно всем детям).

Мечта... Что последовало за ней? Одно событие за другим: поход за ягодами, ведь надо заработать на пряник, шалости ребят, споры, возвращение с пустым туеском, обман, страх, угрызение совести...

Какие чувства испытывает Витя? Конечно, самые разные. Мучительный стыд не дает возможности показываться на людях, мальчик хочет даже умереть! Но дедушка помогает ему выйти из трудного положения и советует попросить прощения у бабушки.

«Я зажмурился и снова открыл глаза. Еще раз зажмурился, еще раз открыл...» Автор многократно употребляет выражение «еще раз», потому что герою не верилось, что мечта сбудется, ведь не выполнил обещания, поддался чужому влиянию и был втянут в тяжкий обман, не устоял, не подумал о последствиях...

Бабушка все-таки купила внуку пряник. Значит, мечта исполнилась! Но за это время столько пережито! «Я еще раз раскаянно заревел», – пишет автор. Герой рассказа осознал свой поступок, сожалеет о совершенном. А как важно вовремя исправиться! Для Вити это были минуты раздумья над собой!

«Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло! А я все не могу забыть бабушкиного пряника – того дивного коня с розовой гривой».

Так заканчивается рассказ. Рассказ, который заставил читателей переживать, волноваться, сочувствовать и взрослеть вместе с героем. Рассказ, который могу читать и перечитывать, обдумывать и мечтать... Этому произведению посвящаю стихотворение собственного сочинения:

*Как вихрем белокрылым
Несется вдоль широт:
Конь с розовой гривой
Бежит, летит вперед.*

*Вперед на север дальний,
А может, и на юг
Иль все-таки на запад,
Куда глаза ведут?*

*Я знаю, он вернется
Обратно в дом родной
И вихрем унесется,
Возьмет меня с собой...*

Валерия Бортникова

«Уж такая сила была в этой капусте...»

«Осенние грусти и радости» – это очень красочный и удивительный рассказ. Здесь ясно чувствуется настроение автора во время осенней поры. В. П. Астафьев прекрасно показывает все оттенки осени: прощальное звонкое пение птиц, резкий запах опустошенного огорода, тусклый свет бледного солнца.

С первых слов главного героя создается впечатление, что жизнь осенью умирает, увядает, природа становится неподвижной.

Но вот появляется бурное движение – это вся деревня шумно готовится к зиме, все дружно убирают и засаливают капусту: мужчины собирают капусту с огорода, а женщины хлопочут в доме. Моментально исчезает грусть и печаль, вместо нее появляются радости коллективной работы, совместного труда, «короткая, но бурная пора... рубки капусты».

«Батюшки-светы, чего тут делается! Народу полна изба! Стукоток стоит несообразный. Бабушка и женщины постарее мнут капусту руками на длинном кухонном столе. Скрипит капуста, как снег перемерзлый под ногами. И руки все у этих женщин до локтей в капустном крошewe, в красном свекольном соку. На столе горкой лежат тугие белые пласты, здесь же морковка тонкими кружочками нарезана и свекла палочками. Под столом, под

лавками, возле печи навалом капуста ... а возле дверей уже стоит высокая капустная кадка».

Под звонкие крики детей, бас мужчин, веселое пение женщин проявляется вся красота осени. Сразу меняются тусклые цвета на радостные и яркие. Дружная работа и взаимная помощь спасает от осенней грусти и невзгод.

«Но главное, если и хозяева – старатели, запаслись овощью, ягодами, капустой, одолевали они зиму без нужды».

И подводя итог тщательной и дружной работе односельчан, В. П. Астафьев делает вывод: «И какая уж такая сила была в этой капусте – знать мне не дано, однако смолачивали ее за зиму с картошкой, во шах, пареную, жареную и просто так целые бочонки и калушки и были здоровы».

Это произведение заставило меня глубоко задуматься над тем, в чем же заключаются истинные грусти и радости жизни. В суете ли окружающих нас забот, в умиротворенном наблюдении за жизнью, за природой, или в дружном труде, помогающем в любой ситуации радоваться жизни.

Дарья Кузьменко

Руководитель М.В. Малкова

Далекая и близкая родина

Любовь к родине, пусть и осиротелой, но вместе с тем близкой, пронизывает все творчество Виктора Астафьева. Его произведения наполнены трепетными переживаниями о людях, о природе, и эти чувства выражены автором зачастую с использованием символики.

Рассказ «Далекая и близкая сказка» открывается описанием места, где живет маленький мальчик, еще не все понимающий в этой жизни, но уже все глубоко чувствующий. Это Витька Потылицын. На задворках села живет главный герой рассказа – Вася-поляк. Но у Васи родина другая, это Польша, место, где он родился, и где умерли его родители. И все, что связано с Васей-поляком, не очень понятно окружающим. Это и очки, которые носит в селе только он, и скрипка, на которой он играет. Но такие ли чужие эти символы? Вася-поляк тоскует по другой стране, но его тоску мы можем понять. Он – сирота не только потому, что у него нет

семьи, но скорее потому, что его родина далеко. Здесь Астафьев раскрывает перед нами понятие сиротства в значении сиротство без родины. Недаром автор начинает рассказ с символов зерна и хлеба: «Если сгорит дом, если сгорит даже все село, семена будут целы и, значит, люди будут жить, потому что покуда есть семена, есть пашня, в которую можно бросить их и вырастить хлеб, он, крестьянин, хозяин, а не нищелюб». Значит, пока ты на родной земле, ты чувствуешь надежду на завтрашний день. Зерно и хлеб – символы России. А у Васи-поляка единственная связь с его родиной – это музыка, это его скрипка...

Эпитет «одинокая» постоянно сопровождает в рассказе описание главного героя и его скрипки. Герой без родины – одинок. Когда Вася-поляк умирает, скрипку – его единственную связь с родиной – кладут ему в гроб.

Виктор Петрович Астафьев всегда был очень чуток к музыке, понимал ее и любил. Это было у него с детства: пусть неосознанно, но он всегда тянулся к ней, пытался понять. Не случайно свой рассказ он называет «Далекая и близкая сказка». А сказка – это музыка, символизирующая для Васи-поляка его родину – Польшу, а для Вити Потылицына – это «...тихий в ночи Енисей». А также музыка для него – еще совсем мальчишки – уже представляется «...ключом из-под горы. Кто-то припал к ключу губами, пьет, пьет и не может напиться: так иссохло у него во рту и внутри».

А потом, уже во время войны, в Польше, Виктор Петрович вновь услышит музыку Огинского, которую когда-то исполнял на своей скрипке Вася-поляк из его села, который мечтал о своей родине, но так и не увидел ее. «Музыка торжественно гремела над городом, глушила разрывы снарядов, гул самолетов. Музыка властвовала под оцепеневшими развалинами, та самая музыка, которую хранил в сердце, словно вздох родной земли, человек, который никогда не видел родины и всю жизнь тосковал о ней».

Валентина Фроленкова
Руководитель Г. Ю. Дударева

Почувствовать, понять...

Далеко за полночь. Закрываю книгу. В который раз уже перечитываю страницы повести «Последний поклон».

И мне до боли вдруг захотелось оказаться рядом с Витей Пытылицыным и погладить его, опустившегося на землю и припавшего ухом к холмику, где была похоронена утонувшая мать; потом долго-долго смотреть на звезду, одиноко светившуюся над Карaulьной речкой; уцепившись от волнения за мшистое бревнышко, слушать до рассвета говорящую, поющую, утасажую скрипку...

И кажется, вот-вот явственно начинаю вместе с Витей вдыхать ароматный запах сена, нащупываю засохшую земляничинку, другую, третью и... съедаю их прямо со стебельком!

А вот, взявши ободряюще его за руку, веду каяться к бабушке, так как ведь из-за него она «осрамилась» на базаре с ягодой, и слушаю вместе со сгорающим от стыда Витькой «обличения» Екатерины Петровны. А потом мы делим пополам липнувшего к рукам дивного коня с розовой гривой. И, кажется, слаше ничего нет на всем белом свете!

Из сегодняшнего дня мне хочется унести хотя бы краюшку хлеба в их семью в тот голодный страшный тридцать третий год, когда замолкло и заглохло все кругом; отдать свой хлеб Вите тогда, когда кроме мерзлой картошки ему есть было просто нечего, когда он обессилел и стал опухать от голода.

Закрывает книгу и задумалась: почему, в отличие от нас, сегодняшних, этот мальчишка, на долю которого выпало столько испытаний, не растерял себя, свою светлую душу, не озлобился на людей, на весь белый свет, а полюбил все и всех еще больше, радуясь каждому листочку, каждой росинке, каждой весточке с родины?

Закрывает книгу и заплакала от какого-то озарения, встревоженная астафьевской печалью и радостью, любовью и многими-многими вопросами (на некоторые у меня нет еще ответа), пронзившими меня до глубины души.

Людмила Антонова
Руководитель Т. Г. Забрыгина

Фотография детского дома – главный экспонат музея

Россия... Просторы моей Родины столь широки и необъятны, что когда в Москве все еще спят, в нашем родном заполярном городке уже раннее утро. Как ни мал наш город, но на любой

карте России в низовьях Енисея можно найти крошечную точку с надписью «Игарка». Впервые попавший сюда человек прежде всего увидит покосившиеся дома, заколоченные, особенно в старой части города, окна... Север потихоньку вымирает. Лето обнажит нищету и опустение городских улиц, но это только для постороннего человека. Тот, кто любит Игарку, кто врос в нее всей душой, смотрит на нее по-другому. И тогда внешняя неприглядность отодвигается на второй план, а отчетливо подступает главное: люди, жители Игарки. Игарка дала приют, стала родным местом для представителей разных социальных прослоек. Здесь бывшие политические заключенные, отмотавшие сроки в сталинских лагерях.

В нескольких километрах от города находится страшный памятник тому времени – 503 стройка (это так называемая «мертвая дорога», 1700-километровая полярная железнодорожная магистраль «Салехард–Игарка»). Здесь репрессированные немцы, литовцы, латыши. В Игарке живут Лаутеншлегеры, Герлинги, Дауноры и другие. Это потомки тех, кто коротким полярным летом был выброшен на холодный енисейский берег. Они вгрызались в мерзлую землю, строя землянки и сколачивая на скорую руку деревянные бараки, так как другого жилья просто не было. Всякие люди есть в Игарке: добрые и злые, хорошие и плохие, умные и глупые, но в Игарке всегда жива культура. В нашем небольшом городе есть несколько музеев: «Музей вечной мерзлоты», выставочный зал с детским Домом ремесел, своя газета «Новости Игарки», свое телевидение. Есть талантливые художники, молодые поэты и просто творческие люди, которые своим трудом, энтузиазмом позволяют сохранить искру жизни в наше нелегкое время.

Об Игарке писали многие... Но одним из самых именитых авторов, писавших об Игарке, является, конечно, Виктор Петрович Астафьев.

Впервые с творчеством Астафьева я познакомилась в начальной школе – тогда мы читали произведение Виктора Астафьева «Стрижонок Скрип». В шестом классе я познакомилась с биографией писателя, а в седьмом стала экскурсоводом в школьном музее. Я считаю фотографию Детского дома ключевым экспонатом музея, носителем очень интересной и важной информации. За десять лет работы группы «Поиск» ее участниками были написаны различные работы по произведениям и биографии писателя.

В музее, основанном в 2003-м году, 320 экспонатов. Основную часть музея занимают стенды. На них размещена различная информация о Викторе Петровиче: документальные материалы, архивные данные, фотографии и рисунки художников. В материалах затронуты различные темы детства Виктора Петровича: его родители и родственники, учителя, жизнь в Игарке, голод и бродяжничество. Отдельный стенд посвящен двум его знаменитейшим повестям – «Конь с розовой гривой» и «Васюткино озеро». В музее имеется шкаф с различными литературными изданиями книг писателя (книги переданы М. С. Корякиной), а также две витрины. В первой размещены фотографии поездки группы учителей и учащихся в Красноярск, а во второй – книги, подписанные Виктором Петровичем горожанам.

Одну из стен в музее занимает выставка рисунков учеников школы по произведениям В. П. Астафьева.

Интересен также уголок, созданный по представлениям о быте, царившем в жилище маленького Витьки Астафьева. Тут и печка-буржуйка, и половики, и даже котелок с картошкой.

По произведению «Конь с розовой гривой» специально оформлен стол: медный чайник, с которым ходили ребяташки за ягодой, чашка с земляникой и, конечно, сам конь с розовой гривой. Все сделано руками детей.

В музее работает группа экскурсоводов, третья с начала создания музея.

Музей сотрудничает с городским «Музеем вечной мерзлоты», сотрудниками которого оказывается методическая и консультационная помощь в организации экскурсий, литературных рингов, исследовательской деятельности.

Детский дом, в котором несколько лет жил Виктор Петрович Астафьев, сохранился до наших дней. Находится он на самой окраине города. Здесь до сих пор живут люди, нет удобств, а вода привозится.

Дом деревянный, полуразрушенный, печное отопление, некоторые окна заколочены. Во дворе сохранилась скамейка, на которой сидел Виктор Петрович Астафьев, когда приезжал в Игарку последний раз.

Очень жалко, что из этого здания не сделали музей, а ведь это история моего города. Мы могли увидеть, в какой обстановке жили детдомовцы, и просто интересно было бы побывать внутри.

Вот что вспоминает Виктор Астафьев о детдоме:

«...Наша комната в середине: теплая была, вот эти окна. Жили 8 человек. Девчонки подальше, их человек 12 было. То крыло – столовая, кабинет директора наискосок...»

Как попал Виктор Астафьев в Игарку и в Детский дом? Точного месяца мы не знаем, но это было в 1935 году. Приехал сюда писатель вместе с родственниками. Мачеха Астафьева все время была занята своими детьми, отец скитался, дед рыбачил и вскоре утонул, бабушка все время работала, чтобы что-то заработать. Виктор фактически оказался никому не нужным. Поселился в заброшенном доме, в котором, кроме печки, ничего не было. Жил впроголодь, денег не было, купить еду и лекарства не на что. Витьку пыталась взять под опеку школа, но он плохо учился. Три года сидел в одном и том же классе, но не из-за того, что у него не было желания учиться, а просто не было такой возможности. Когда Виктор от скитаний обессилел, его определили в детдом....

Виктор Петрович Астафьев, будучи еще совсем ребенком, пятиклассником, проживая в детском доме, стал писать очень интересные и любопытные сочинения. На это его сподвиг учитель русского языка и литературы Игнатий Дмитриевич Рождественский, который увидел в мальчонке способности к сочинительству. Игнатий Дмитриевич способствовал пробуждению у Виктора жажды творчества. Одно сочинение Виктора сильно понравилось учителю, за что Астафьев получил ценную похвалу, а само сочинение поместили в школьном рукописном журнале.

В «Стержневом корне» Виктор Петрович вспоминает:

«Не далее месяца назад я заблудился в заполярной тайге, пробыл в ней четверо суток, смертельно испугался поначалу, потом опомнился, держался по-таежному умело, стойко, остался жив и даже простуды большой не добыл. Я и назвал свое сочинение – «Жив».

Вот так появилось сочинение «Жив», как Витя Астафьев заблудился в лесу, в Игарке. Это сочинение много лет спустя перерастет в рассказ «Васюткино озеро» – один из первых рассказов для детей, с которого, по-моему, любой ребенок начинает знакомиться с удивительным творчеством Виктора Петровича Астафьева.

Являясь экскурсоводом в школьном музее В. П. Астафьева в Игарке, я изучала биографию писателя. Мне известно, что дей-

ствительно у Виктора Петровича был прадед (на момент ссылки Астафьевых в Игарку ему было почти 102 года). Он поставил на краю деревни избу мазаную, за что жители Овсянки приписали к фамилии Астафьев – Мазов. Этот факт отмечает в собственной автобиографии и сам Виктор Петрович.

В. П. Астафьев, как и многие «земные» писатели, никогда не стареют, т. к. его книгам уготована долгая жизнь. Пока существует наш город, жители его с гордостью и восторгом будут находить в его произведениях близкие для игарчан названия, такие, как например, «Карские ворота».

Виктор Петрович – писатель, дающий надежду. Читаешь его «Последний поклон» – и душа тянется к светлomu, какой бы тяжелой и горькой ни была жизнь

«Спасибо Господу, что пылинкой высеял меня на эту землю», – говорил Виктор Петрович. Пылинка, посеянная в облике Витьки Астафьева, проросла в писателя с мировым именем, давшего читателям десятки произведений, навечно вошедших в классику мировой литературы.

Вначале воспоминания о городе вызвали у Виктора Петровича боль, а затем какую-то сострадательную любовь. Ведь именно в Игарке проявилась у В. П. Астафьева любовь к чтению и литературе, здесь был написан его первый рассказ «Жив», положенный в основу рассказа «Васюткино озеро». Здесь были пережиты годы скитаний. И самое главное – здесь до сих пор стоит Детский дом, воспоминания о котором согревали его душу и на Днепровском плацдарме в годы войны, и в Чусовом, и в Овсянке.

Все самые тяжелые события из жизни В. П. Астафьева выпали именно на 30-е годы – детские годы. Репрессирован отец, трагически погибает мать, жизнь с мачехой – нелегка. Беспризорничество, голод. Высланные в Игарку дедушка с бабушкой. Смерть близких друзей. Но и эти тяжелые годы, к воспоминаниям о которых с трудом возвращался Виктор Петрович, не выжгли в нем теплоту восприятия детского взгляда на жизнь. Своими произведениями он действительно зажигает огонь в сердцах людей и, в первую очередь, в детских душах. И темнота бездушия, поразившего нас сегодня, отступает.

Моя работа – это лишь ступень в познании творчества Виктора Петровича Астафьева. Чем ближе я знакомлюсь с ним, тем понятнее и дороже становятся мне его произведения.

Динара Мустафина
Руководитель Т. А. Ничкова

Родом из детства

*Старые и малые – все вместе...
в единстве и согласии.*

В. П. Астафьев

Недавно я прочитала повесть В. Астафьева «Последний поклон». Рассказы поразили меня своей необыкновенной простотой, душевностью и искренностью. Во время чтения ты вместе с маленьким Витей, главным героем рассказов, словно окунаешься в крестьянскую жизнь, в ее обычаи и традиции.

Традиции напрямую связаны с духовным обогащением человека, делая его личностью.

Первый рассказ, который я прочитала, – «Осенние грусти и радости», где герой повествует о том, как происходила засолка капусты на зиму. Каждую осень бабушка Вити звала всех женщин села, чтобы они помогли ей заготовить капусту. Это традиция. А какая царила душевная атмосфера! Воздух был пропитан дружбой, женской солидарностью, уважением. В доме в тот день становилось необычайно тепло и уютно.

«Мужикам в эту избу доступа сегодня не было и быть не могло. Проник было дядя Левонтий под тем видом, что не может найти нужную позарез вещь в своем доме, но женщины так зашумели, с таким удалством поперли на него, замахиваясь сечками и ножиками, что он быстренько, с криком: «Сдурели, стервы!» – выкатился вон». Очень весело читать такие строки!

Видя такую теплую и душевную картину, маленький Витя понимал, что наверняка выполнять любое дело надо с любовью и удовольствием.

А вот в рассказе «Запах сена» мы вместе с героем оказываемся на перевозке сена с лугов домой. Это тоже особая крестьянская традиция. Мужчины каждую зиму ездили за сеном, а женщины в это время должны были заниматься домашними делами, накрывать на стол и встречать своих усталых мужей.

Витька и глухонемой Алешка очень хотели поскорей вырасти и тоже возить сено, как настоящие взрослые мужики. Они с нетерпением ждали этот день и мечтали поехать с дедушкой и дядей на луг.

Лежа на печи, Витя уже представлял, как сидит на самом высоком возу, как дядя с бабушкой сначала складывают сено, а потом медленно, покуривая, идут сзади, изредка покрикивая на лошадей. Но, проснувшись, мальчики увидели, что взрослые уехали без них, и почувствовали сильную обиду: «И я понял все. И Алешка тоже ударился в голос». Успокоившись, мальчишки стали готовиться встречать бабушку. В то время бабушка хлопотала по дому, пекла пироги и с большим волнением и тревогой ждала возвращения своих мужиков.

После приезда бабушки и дяди началась работа. Работа для всех. Мальники с бабушкой утапывали сено, а мужчины «метали» его на сеновал. Читая, словно чувствуешь густой запах сухих трав, ощущаешь, как становится трудно дышать, и видишь маленькие частички пыли, парящие в воздухе.

Хочется напомнить еще одну сцену, когда, сидя за столом, бабушка раздавал своим внукам «гостинцы из леса». Это очень трогательный момент. Я помню, как моя мама рассказывала, что в детстве ей родители так же приносили лесные гостинцы и дарили, приговаривая: «Это от лисы, это от зайца, а это от медведя». Сколько теплоты и любви в этой традиции!

В рассказе «Бабушкин праздник» мы погружаемся в атмосферу подготовки к большому событию – дню рождения бабушки.

К празднику готовились заранее: «...кололи бычка, с весны копили яйца, сбивали сметану на масло...» С приближением знаменательного дня обстановка в доме становилась все более напряженной. Волновались все. Наконец настал долгожданный праздник: «К полудню в горнице накрыты столы. Тетки и бабушка, исчезнувшие на время, явились немислимо нарядные, важные». И вот на пороге появились первые гости, хозяйка, заметно волнуясь, приглашают их в дом: «Милости прошу, гостеньки дорогие! Проходите, будьте ласковы, проходите!»

Этот праздник напомнил мне наши семейные праздники: юбилейные, религиозные, новогодние. С утра в нашем доме также начинается беготня: все торопятся, суетятся и волнуются. Каждый занят своим делом: кто-то накрывает на стол, кто-то уже встречает первых гостей. И вот когда под одной крышей собираются все родственники, на душе становится тепло и уютно. Я очень люблю такие праздники и с нетерпением их жду! Ведь они с детства учат нас гостеприимству, дружбе с родственниками, уважению и почтению к старшим. То тепло, которое дарит нам семейный праздник, невозможно ничем заменить, поэтому такая традиция будет всегда жива.

Прочитав рассказы В. П. Астафьева, я убедилась в том, что традиции и обычаи играют огромную роль в формировании личности. Благодаря им человек многому учится и многое узнает. Мы тоже стараемся сохранять и соблюдать определенные традиции, потому что они родом из детства.

Ксения Зорина
Руководитель А. М. Кулина

Урок на всю жизнь

Когда я была младше, я допустила глупость. Пообещала маме, что выполню работу до обеда: соберу с грядки лук в мешок. Сама заигралась и забыла. До прихода мамы оставалось полчаса. Но чтобы уложиться в срок, я пошла на хитрость: половину лука выкинула далеко в траву, чтобы видно не было. Когда раскрылся мой обман, мама посмотрела на меня своими ясными глазами. Мне стало очень стыдно: у меня в горле стоял ком, глаза застилали слезы.

И вспомнился Витька Потылицын из рассказа Виктора Астафьева «Конь с розовой гривой». Витька тоже пообещал своей бабушке насобирать ягоды, значит, должен был выполнить свое обещание. Но подстрекаемый Санькой левонтьевским, пытаясь проявить свою независимость и самостоятельность, он съел собранные ягоды, а вместо них в туес травы натолкал, да ягодами сверху присыпал. Да, ситуации у нас схожие: оба пытались обмануть взрослых, только причины разные.

Мама меня, конечно, простила, она была уверена, что я все осознала. Лучше бы уж наказала.

Катерина Петровна тоже смогла простить своего внука. Она ведь его не просто простила... Она купила ему заветного пряничного коня. Может быть, сделала это потому, что она понимала Витькино состояние и представляла, что с ним будет, если он не получит розового коня. Ведь для Витьки этот конь был пределом мечтаний. Разве могла бабушка разрушить эти мечты внука? Наверное, она понимала и то, что его обман будет хорошим уроком на всю Витькину жизнь.

Я смотрю на своих одноклассников и вижу, что многих из них родители не понимают, некоторых просто «воспитывают» тумаками и затрешинами. Не от этого ли для многих подростков ложь

становится нормой жизни, они замыкаются в себе, обозлившись на весь белый свет?

Прощением можно добиться большего результата, чем строгостью или осуждением!

Лидия Рябова

Руководитель А. М. Кулина

Делая добро другим, становишься сильнее духом, добрее, человечнее

В наше время люди не знают, что такое нужда и голод. Они ничем не дорожат. Не раз видела, как хлеб «летает» по школьной столовой, пышные румяные булочки заменяют футбольный мяч, вкусные жареные оладьи и другая еда оказываются в ведре для отходов.

А почему же мы не ценим ничего? Да потому что мы ни в чем не нуждаемся! А вот наши бабушки и дедушки знали цену каждой крошке хлеба. Нужду и голод в полной мере они испытали еще будучи детьми. Пережил это и Витька Потылицын, герой повести Виктора Петровича Астафьева «Последний поклон».

«Скотина во дворах ревела под ножом, кони падали среди улиц. Хмурели и старились дома. Углы у них были, как челюсти у голодных людей, сухи и костлявы. В домах, как и в людях, не было жизни», – такую картину жуткого голода, охватившего всю деревню, изображает В. Астафьев. «Или потерять парнишку, или... расстаться с дорогими для всех, оставшимися единственной памятью от матери Витьки – сережками». Ни на минуту бабушка не усомнилась, хотя ей было очень тяжело. Точно так же растает она со швейной машинкой-«кормилицей», «оглаживая ее изношенное тело так, будто та была живая и теплая». Но другого выхода не было. Она пожертвовала самым дорогим для своих родных и близких.

А кто сегодня готов расстаться с самым дорогим ради других?

Что это? Жадность? Равнодушие? Эгоизм? Думаю, это – душевная глухота и слепота! Это значит, что такой человек никогда не откликнется на чужую просьбу, никогда не протянет руку помощи в трудную минуту. А что может быть страшнее? Неужели это все порождение нашего времени?

Человеческое равнодушие – вот имя всему, что мы наблюдаем!

Щедрость, душевность, простота и трудолюбие – всегда были

характерными качествами русского человека. И даже испытания и лишения не могли очернить их светлые души. Вспомните горе бабушки, принесшей «серый каравай, в банный таз величиною», который оказался «туфтой». Это словно убило бабушку, лишило дара речи «рот бабушки вдруг начал беззвучно шевелиться, сделался черным», не ожидала она от людей такой подлости, злодейства, жульничества. «Им, супостатам, отольются наши слезы. Кто бедного обижат, тот беду себе накликают», – говорила она.

Но бабушка не огрубела душой. Вынув из-за пазухи черненький, мохнатый комочек, пропела: «А гляди-ко, чего я принесла – а – а!» Вмиг прошла обида у деда, исчез страх у Витьки, заглохла боль в сердце Катерины Петровны. Несмотря на несчастье и голод, их души расцвели: «им чуду бог послал!» Увидела она этот мохнатый комочек – щенка, околевавшего на морозе, и подумала о Витьке, такой же несчастной беспомощной сиротке. Сжалось ее сердце, и, не раздумывая, взяла горюна домой. Как ловко и бойко, схватив подойник, бежит бабушка «вытягивать молочко из коровенки». И не думала она, что щенок будет лишним ртом, твердо повторяла: «Выкарабкаемся!» «И человека, и животину жалеть надо, потому как у животного тоже душа есть. Памятливая душа.» На всю жизнь в память Витьки врезались эти слова.

Памятливая душа Витьки Потылицына впитала, как губка, качества Катерины Петровны, он хорошо усвоил: делая добро другим, становишься сильнее духом, добрее, человечнее. И я надеюсь, что каждый, кто хотя бы раз соприкоснулся с творчеством В. П. Астафьева, сумеет понять, что такое боль другого.

Анастасия Ильина

Раиса Шульгина

Руководитель Т. Г. Забрыгина

Литературные герои, пришедшие из жизни

«...спасибо жизни за жизнь, а памяти за то, что она очищает прошлое от плевел...»

В. П. Астафьев

К произведениям В. П. Астафьева я пришла совсем недавно, и если учесть, что он мой земляк, то знаю я о нем совсем мало. Я

каждый день видела его огромный портрет в библиотеке и понимала только то, что это наш сибирский писатель. Эти знания были поверхностными.

Первое и единственное до данного момента произведение, которое я прочла, был рассказ «Конь с розовой гривой». По Красноярскому краю был объявлен конкурс рисунков по произведениям В. П. Астафьева, и я прочла рассказ для того, чтоб поучаствовать там. Рисунок у меня так и не получился, а вот само произведение я запомнила надолго. Это необыкновенно простое, простотой же и поражающее, душевное откровение.

Многие произведения, которые я читала после «Коня с розовой гривой», мне были непонятны, и от этого неинтересны. Поэтому я и решила взяться за эту исследовательскую работу, чтоб понять мудрость и душевность творчества великого русского писателя. Мне стало интересно узнать побольше о нем, я хочу узнать, о чем и о ком он писал. В начале работы с нами провела беседу об Астафьеве и его произведениях Мария Вячеславовна Мишечкина, директор «Музея вечной мерзлоты». Она очень хорошо знала Виктора Петровича, часто встречалась с ним. Подробно и увлекательно рассказала нам о его произведениях, написанных об Игарке, поделилась советами, как надо вести исследовательскую работу. И меня это действительно увлекло!

А. Ильина

По школьной программе нам задали прочитать рассказ В. П. Астафьева «Конь с розовой гривой». Я была буквально зачарована особым душевным теплом повествования.

Я поняла, что хочу ближе познакомиться с творчеством писателя.

Это произошло в тот момент моей жизни, когда я некоторое время училась совсем в другом городе. Вдалеке от любимого города не хватало чего-то родного. На уроке литературы мы приступили к изучению биографии и творчества Виктора Петровича. И я ожила! Загорелась желанием рассказать всем-всем, что уже знаю: что Виктор Петрович провел трудное детство именно в том городе, откуда я приехала, что он один из самых замечательных авторов, писавших об Игарке, что в моей школе создан музей В. П. Астафьева, что я прочитала много его произведений и наконец, что он стал одним из самых моих любимых писателей. Мои знания биографии и других интересных фактов жизни Викто-

ра Петровича, о которых не написано в учебнике, очень помогли мне рассказать одноклассникам о том, чего они еще не знали! Я удивила не только ребят, но и учителя. И самое главное – привлекла внимание одноклассников к творчеству Астафьева. Больше всего я гордилась своим любимым городом Игаркой и радовалась тому, что именно в нем провел свое детство Виктор Петрович Астафьев!

С тех пор прошло много времени, и вот я вновь возвращаюсь к творчеству Астафьева, вернее хочу познакомиться с тем, что до этого момента было мне еще незнакомо.

Изучением наследия В. П. Астафьева в школе занимаются с 2001 г., когда Игарской средней общеобразовательной школе было присвоено имя писателя, а в 2003-м – создан школьный музей В. П. Астафьева, определивший несколько направлений: музейную педагогику, работу школы экскурсоводов, исследовательскую, результатом деятельности которой являются проведенная экспедиция «Забвению – нет!», акция «Сохраним Детский дом Астафьева», проект «Васюткина тропа», участие в российских и краевых конкурсах.

Результатом открытий в области краеведения стало издание книги исследовательских работ «Забвению – нет!» и брошюры «Люблю Игарку разную». Творческая встреча в п. Подтёсово – новый более высокий уровень совместной деятельности – проект, над которым школа работает в настоящее время. На протяжении многих лет биографию и творчество писателя изучают сотрудники Музея вечной мерзлоты. В Игарке создан в 2008 г. клуб любителей астафьевской прозы, который привлекает молодых авторов к подготовке работ для участия в конкурсах как исследовательского, так и творческого характера. Накоплены богатые фондовые материалы, имеется постоянная экспозиция по творчеству Астафьева, поддерживается связь с родственниками писателя, а также астафьеведами. Совместная деятельность музейщиков и педагогов имеет свои традиции. Это проведение Дней памяти писателя, недели творчества, литературных рингов, встреч с родственниками, поездки в Овсянку, подготовка школьниками исследовательских работ и участие в различных конкурсах. Поддерживается связь с лицами и школами, изучающими творчество В. П. Астафьева, наиболее тесные контакты установились со школой п. Подтёсово и школой № 27 г. Норильск.

Р. Шульгина

Нам показалось интересным провести исследование творчества писателя, восстановить истину – какие все же сюжеты и герои – реальные, насколько произведения автобиографичны.

«Карасинная погибель»

Дед Павел. Скитания

«Прибыв в Игарку, отец и мачеха «забыли» меня в семье деда Павла. В барачной комнатенке ютились пятеро, но, хочешь не хочешь, пришлось им потесниться и выделить пространство шестому – я спал под столом».

Детство Виктора Петровича Астафьева было тяжелым, суровым, приходилось скитаться, голодать, и стараться выжить, как только можно. Действительно, прибыв в Игарку, отец и мачеха оставили его в семье деда Павла. После смерти деда Виктор жил совсем один, беспризорничал, пока не попал в Детский дом, который находится на ул. Полярной 17 и по сей день. Воспитатель этого детского дома – Василий Иванович Соколов – остался в памяти Виктора Петровича Астафьева, как человек редкостный и прекрасный. До него все только и делали, что упрекали мальчика за то, что он появился на этом свете.

Об этом он пишет в автобиографическом очерке «Стержневой корень», что такого человека как Василий Иванович Соколов сама судьба ему послала. Благодаря его состраданию, доброте, Виктор Петрович вспоминает свое детство со спокойной душой, потому что были люди, влившие в него.

«Бурундук на кресте»

Отец – Петр Павлович Астафьев

«Папа мой, деревенский красавчик, маленько гармонист, маленько плясун, маленько охотник, маленько рыбак, маленько парикмахер и не маленько хвастун, был старшим сыном в семье своего отца, Павла Яковлевича».

Петр Павлович Астафьев – отец писателя – при всей буйности характера вызывает противоречивые чувства: и симпатии, и не-

приязни. Виктор Петрович говорит о нем и с жалостью, и с мужественной прямоотой.

Так, в фильме «С Астафьевым по Енисею» режиссера М. Литвякова он рассказывает о своем отце:

«Жить ему в Заполярье нельзя было, пить нельзя было совершенно! Псориаз! Чем больше пил, тем больше покрывало до бровей. Сколько скандалов было!.. Баба молодая мается, ребенок в качалке! Однажды уполз в Полой за хлебом: день нет, два нет, три.. Таисия Ивановна плачет, говорит: Витя, садись, бери с собой Полюса (собака была), плыви в Полой...

Сейчас мы проплыли Полой, несколько домов стоят, а тогда, конечно, больше было... Вот ищу, ищу его, ищу, знаю, как искать. Прислушался – в этой избе гуляют, должен папа там быть! Захожу, точно, папа мой босячком пляшет, пиджачишко снял... жених!..»

«Царь-рыба»

Владимир Петрович Астафьев – прототип Акима

«Аким – закадычный друг брата – уехал в Енисейск... знакомы они с Акимом еще с Игарки... Но Аким не удержался... лег на камень, долго глядел в воду, потом удочку забросил. Только забросил, тут же хариуса поднял, темного, яркоперого...»

С Владимиром Петровичем Астафьевым, братом писателя, участники группы «Поиск» познакомились несколько лет назад, когда готовили первую работу о детстве, проведенном в городе Игарка.

«Астафьев и Игарка. Детские годы». Виктор Петрович действительно писал этот образ со своего брата по отцу – Владимира Петровича. Вот что говорит Владимир Петрович об этом в фильме «С Астафьевым по Енисею»: «Да, говорил Виктор Петрович, отразил он где-то меня, но я же не национал... но, видимо, место фантазии должно быть...»

Если сравнить рисунок художника, написавшего портрет Акима и фотографию Владимира Петровича Астафьева, поражает удивительное сходство в чертах лица и внешнем облике.

Виктор Петрович, рассказывая о своих сводных братьях и сестрах, оговорившись, называет Володю Акимом, видимо, в герое своем видел брата – крепкого, сильного: не смотри, что заморыш! Один и лодку тянет, и сети ставит, и в шторм один, как и Аким.

«Васюткино озеро»

Витя Астафьев – прототип Васютки

«...Сердце у Васютки сжалось, на лбу выступила испарина. – Все этот глухарина! Понесся, как леший, теперь вот думай, куда идти, – заговорил Васютка вслух, чтобы отогнать подступающий страх. – Ничего, сейчас посоображаю и найду дорогу».

«Что-то начало беспокоить Васютку при виде беспомошной мухи, влипшей в тенета. И тут его будто стукнуло: да ведь он заблудился!»

Виктор Петрович Астафьев, будучи еще совсем ребенком, пятиклассником, стал писать очень интересные и любопытные сочинения. На это его сподвиг учитель русского языка и литературы Игнатий Дмитриевич Рождественский, который увидел в мальчонке способности к сочинительству. Игнатий Дмитриевич способствовал пробуждению у Виктора жажды творчества. Одно сочинение Виктора сильно понравилось учителю, за что Астафьев получил очень ценную похвалу, а само сочинение поместили в школьном рукописном журнале.

В «Стержневом корне» Виктор Петрович вспоминает:

«Не далее месяца назад я заблудился в заполярной тайге, пробыл в ней четверо суток, смертельно испугался поначалу, потом опомнился, держался по-таежному умело, стойко, остался жив и даже простуды большой не добыл. Я и назвал свое сочинение – «Жив».

Это сочинение много лет спустя перерастет в рассказ «Васюткино озеро» – один из первых рассказов для детей, с которого, по-моему, любой ребенок начинает знакомиться с удивительным творчеством Виктора Петровича Астафьева.

В 2009 г. «Музеем вечной мерзлоты» и МОУ «СОШ города Игарка» им. В. П. Астафьева был реализован проект «Васюткина тропа», который был нацелен на привлечение внимания школьников к творческому наследию писателя. К участию в проекте были привлечены четыре команды: с. Подтёсово, г. Норильск, г. Игарка, с. Туруханск. В рамках проекта состоялся «круглый стол», где учащиеся поделились опытом работы по астафьевской тематике, а также команды прошли «Васюткиной тропой». Идеей похода стало приближение учащихся к природе Заполярья, описанной в про-

изведении Виктора Петровича, преодоление трудностей, испытанных героем повести Васюткой, выполнение заданий на знание произведения.

Приобщение к литературе

В журнале «Студенческий меридиан» в статье «Писать, как хочется, как должно» (октябрь 2003 г., изд-во «Молодая гвардия») Виктор Петрович рассказывал, что когда он закончил первый класс, отец женился и увез мачеху и сына в таежный поселок. Школы там не было. Вскоре отец заболел. Вообще не до сына стало. «Чтобы как-то меня занять, – вспоминал Виктор Петрович, – отыскивали несколько книг. Но детской оказалась только одна – «Робинзон Крузо». Но именно она оказалась первой моей настоящей книгой. А потом началось сплошное глотание книг. Не знаю, к чему бы оно привело, это бесцельное чтение, если бы вскоре я не встретил двух замечательных людей. Один из них – сибирский поэт Игнатий Дмитриевич Рождественский».

Затеси. «Больше жизни»

Игнатий Дмитриевич Рождественский

«Прочитав вслух мое сочинение притихшему классу, Игнатий Дмитриевич поднял меня с места, долго, пристально вглядывался и наконец тихо молвил редкую оттого дорогую похвалу: «Молодец!»

Виктор Петрович описывает нам учителя русского языка и литературы И. Д. Рождественского. «Замечательный человек, – пишет в своей автобиографии «Стержневой корень» Виктор Петрович, – встретившийся мне в начале жизненного пути, был и Игнатий Дмитриевич Рождественский, сибирский поэт.

Он преподавал в нашей школе русский и литературу, и поразил нас учитель чрезмерной близорукостью, которая при его молодости казалась особенно забавной». Еще Виктор Петрович вспоминает, что учитель был довольно строг. «На уроке литературы, положив часы на стол, учитель заставил всех нас подряд читать вслух по две минуты из «Дубровского» и «Бородина». Послушав, без церемоний и всякой педагогической эти-

ки, бросал, сердито сверкая толстыми линзами очков: «Орисяна! Недоросль! Под потолок вымахал, а читаешь по слогам!» Но именно он привил ребятам огромную любовь к литературному творчеству: «Очень полюбили мы, пятый «Б», самостоятельную работу – не изложения писать, ... а сочинять, творить самим. Игнатий Дмитриевич уже ходил в ту пору в начинающих поэтах, и, узнав об этом, мы прониклись к нему трепетной почтительностью».

«В перемену Игнатий Дмитриевич сказал мне, что поместит мое сочинение в школьном рукописном журнале, и попенял – как же это я болтаюсь третий год в одном классе?»

Много лет спустя Виктор Петрович вспоминал: «...1953 году в Перми вышла моя первая книжка рассказов, поставил первый в жизни автограф человеку, который привил мне уважительность к слову, пробудил жажду творчества – Игнатию Дмитриевичу Рождественскому».

«Карасиная погибель»

Губенская протока

«Мы ставили с дедом подпуски – переметы в устье Губенской протоки, той самой, по правому берегу которой полукружьем располагается порт Игарка».

«Карта реки Енисей. От устья реки Подкаменная Тунгуска до порта Игарка Министерства речного флота РСФСР Главводпуть Енисейского бассейнового Управления пути». При рассмотрении карты мы видим, что находится Губенская протока в районе Большого Медвежьего острова. Это место слияния с Енисеем. Считалось и до сих пор считается, что это самые рыбные места. Кроме того, это рядом с городом.

«Карасиная погибель»

Игарский рыбозавод

«Отец заключил договор с игарским рыбозаводом, забрал меня из тесной барачной комнатухи...»

Работая в городском архиве, мы обнаружили книгу записи списка кадрового состава рыбзавода, где под номером 268 записано:

Астафьев Петр Павлович, 1902 г. рождения. Место рождения: Красноярский край, д. Овсянка. Принят начальником цеха, приказ от 15 мая 1938 г.

В книге приказов на стр. 41 в п.4 имеется список сетной бригады, организованной Игарским рыбзаводом, где под номером 15 тоже фамилия П. П. Астафьева

Данные записи подтверждают достоверность событий в рассказе В. П. Астафьева и свидетельствуют о том, что Виктор Петрович включает в рассказ факты личной биографии своего отца.

«Запоздалое спасибо»

Доктор Сабельников Иван Иванович

«В тридцать девятом году я нанес себе тяжелое увечье – поломал ногу... Тяжело и долго ставил меня на ноги... доктор Иван Иванович Сабельников и поставил, хотя в игарской больнице не было даже рентгена...»

В архиве Центральной городской больницы города Игарка мы нашли в книгах приказов, что в 1939 г. в 1-й больнице работал такой хирург. Вполне можно предположить, что операции делал именно Иван Иванович Сабельников. Судьба уготовила ему, как и большинству талантливых людей в то время, испытание «эпохой» – временем недоверия, подозрительности и ссылок. Но и в таких ситуациях они не теряли профессионализм, чувство сострадания и уважения к простому человеку. Поэтому и идут от души слова, сказанные Виктором Петровичем в конце рассказа:

«Иван Иванович! Игарский доктор! Хочу верить, что кончилась напасть, и вы живете где-нибудь на большой земле нашей, уже совсем старенький... вспоминаете, может быть, молодую тогда Игарку с деревянной больницей на окраине, где вы лечили трудовых людей и поставили когда-то на ноги сорванца-парнишку. Поклон вам от него и запоздалое спасибо».

За всю свою долгую жизнь Виктор Петрович Астафьев накопил огромный жизненный багаж, испытал немало боли. События, произошедшие с Виктором Петровичем и описанные им в книгах, порой трагичны, но их глубокий философский смысл и писательский оптимизм делают их незабываемыми.

Как обращение к сегодняшним читателям и как послание потомкам звучат слова великого писателя и человека: «Я думаю, что, в конечном счете, все же главное вот это – Енисей, береза на скале, светлая осень, и когда придет последний час, все это и будет видением, а не злодеи, лицемеры и ворье... И спасибо жизни за жизнь, а памяти за то, что она очищает прошлое от плевел».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНТОНОВА Людмила, МОУ «СОШ г. Игарка» имени В. П. Астафьева, Красноярский край, г. Игарка.

АССАНОВА Софья, МБОУ «Печменская СОШ», Пермский край, Бардымский район, с. Печмень.

БОРТНИКОВА Валерия, МАОУ «Гимназия № 5», г. Пермь.

ГИЛЬМАНОВА Лилия, МБОУ «Кадетская школа имени Героя Советского Союза Е. И. Францева», Пермский край, г. Чернушка.

ДЕРЕНДЯЕВА Екатерина, МБОУ «Очерская СОШ № 1», Пермский край, г. Очер.

ДЗЮБИНА Ирина, МБОУ «СОШ № 2», Пермский край, г. Губаха.

ЕЖОВА Наталья, МБОУ «Очерская СОШ № 1», Пермский край, г. Очер.

ЕЖОВ Никита, МБОУ «Очерская СОШ № 1», Пермский край, г. Очер

ЗАЙКОВСКАЯ Наталья, МБОУ «Агинская СОШ № 2», Красноярский край, Саянский район, с. Агинское.

ЗОРИНА Ксения, МБОУ «Черновская СОШ имени А. С. Пушкина», Пермский край, Большесосновский район, с. Черновское.

ИБРАГИМОВА Диана, МБОУ «Печменская СОШ», Пермский край, Бардымский район, с. Печмень.

ИЛЬИНА Анастасия, МОУ «СОШ г. Игарка» имени В. П. Астафьева, Красноярский край, г. Игарка

КАЛАШНИКОВА Екатерина, МОУ СОШ, Пермский край, с. Бершеть

КУЗЬМЕНКО Дарья, МАОУ «Гимназия № 5», г. Пермь

ЛУКЬЯНОВА Екатерина, МАОУ «Гимназия № 13», г. Пермь

ЛУСЕВИЧ Анастасия, МБОУ «СОШ», Пермский край, Горнозаводский район, п. Теплая Гора.

МАКАРОВ Глеб, Гимназия № 96 имени В. П. Астафьева, Красноярский край, г. Железногорск.

МУРТАЗИНА Мария, МБОУ «Печменская СОШ», Пермский край, Бардымский район, с. Печмень.

МУСТАФИНА Динара, МБОУ «Кадетская школа имени Героя Советского Союза Е. И. Францева», Пермский край, г. Чернушка.

НЕДОРЕЗОВА Мария, МБОУ «Копалинская ООШ», Пермский край, Чусовской район, д. Копально

НОВИКОВА Анна, МБОУ «СОШ № 77 с углубленным изучением английского языка», г. Пермь.

ПОСТАНОВОГА Ольга, МБОУ «Троельжанская СОШ», Пермский край, Кунгурский район, с. Троельга.

ПРЯХИН Виктор, МБОУ «Печменская СОШ», Пермский край, Бардымский район, с. Печмень.

РЯБОВА Лидия, МБОУ «Черновская СОШ имени А. С. Пушкина», Пермский край, Большесосновский район, с. Черновское.

СМЕРТИН Иван, МБОУ «Печменская СОШ», Пермский край, Бардымский район, с. Печмень.

СТАРЦЕВА Росина, МБОУ «Гимназия № 11», г. Красноярск.

ТОМИЛОВА Нина, МБОУ «Черновская СОШ имени А. С. Пушкина», Пермский край, Большесосновский район, с. Черновское.

ФРОЛЕНКОВА Валентина, НОУ «СОШ № 48 ОАО РЖД», Красноярский край, Партизанский район, п. Мана.

ЧЕМОДАНОВА Анна, КГАОУ СПО «Добрянский гуманитарно-технологический техникум имени П. И. Сюзева», г. Добрянка.

ШАЙХЛИЕВА Юлия, МБОУ «Кадетская школа имени Героя Советского Союза Е. И. Францева», Пермский край, г. Чернушка.

ШУЛЬГИНА Раиса, МОУ «СОШ г. Игарка» имени В. П. Астафьева, Красноярский край, г. Игарка.

Содержание

<i>Глеб Макаров. Животворящий свет детства</i>	3
<i>Иван Смертин. «Раз его заманула река, то уж обратно не доревешься»</i>	4
<i>Росина Старцева. Сибирские говоры как часть культуры народа</i> ...	8
<i>Екатерина Калашникова. «И вижу свой двор, бабушкин...»</i>	13
<i>Виктор Прякин. Руководитель М. С. Ушакова. «Тут не хохоньки да хаханьки! Игра! А в игре всяко бывает...»</i>	17
<i>Диана Ибрагимова. «Мой вечный друг и мучитель Санька...»</i>	20
<i>Анна Новикова. Постигая человеческую жизнь</i>	26
<i>Ольга Постановова. «Древняя рассыпанная повесть...»</i>	28
<i>Лилия Гильманова. Есть в жизни твоей надежный причал... ..</i>	33
<i>Юлия Шайхлиева. Счастливая пора детства</i>	35
<i>Анна Чемоданова. Свет любви</i>	38
<i>Нина Томилова. Мы не Иваны, не помнящие родства</i>	41
<i>Мария Недорезова. Религиозность как философия жизненного уклада</i>	43
<i>Мария Муртазина. «Был бы характер, да добрые люди рядом...»</i>	47
<i>Анастасия Лусевич. Живое дыхание слова</i>	52
<i>Екатерина Лукьянова. Все начинается с детства</i>	55
<i>Ирина Дзюбина. Доля женская, горькая... ..</i>	57
<i>Никита Ежов. Помнить всю жизнь... ..</i>	59
<i>Наталья Зайковская. «Так хочется жить!»</i>	61
<i>Софья Ассанова. «Наше село придавило голодом...»</i>	63
<i>Наталья Ежова. Ангел-хранитель Катерина Петровна</i>	69
<i>Екатерина Дерендяева. «Пряник конем!»</i>	70

<i>Валерия Бортникова. «Уж такая сила была в этой капусте...»</i>	72
<i>Дарья Кузьменко. Далекая и близкая родина</i>	73
<i>Валентина Фроленкова. Почувствовать, понять...</i>	74
<i>Людмила Антонова. Фотография Детского дома – главный экспонат музея</i>	75
<i>Динара Мустафина. Родом из детства</i>	80
<i>Ксения Зорина. Урок на всю жизнь</i>	82
<i>Лидия Рябова. Делая добро другим, становишься сильнее духом, добрее, человечнее</i>	83
<i>Анастасия Ильина, Раиса Шульгина. Литературные герои, пришедшие из жизни</i>	84
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	94

Научно-популярное издание

Астафьевские (детско-юношеские) чтения

VIII-е детско-юношеские Астафьевские чтения
23 ноября – 3 декабря 2012 г.

Тема: «**ДУХОВНОЕ И НРАВСТВЕННОЕ
СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА.
МИР ДЕТСТВА В СУРОВЫЕ ВРЕМЕНА**»

Мемориальный музей-центр «Пермь-36»
благодарит за сотрудничество руководство Государственной
краевой универсальной библиотеки им. А. М. Горького,
Центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина

Куратор проекта
В. Шмыров
Литературный редактор
И. Максарова
Компьютерная верстка
Г. Вобликова

Подписано в печать 22.01.13. Формат 84x108 ¹/₃₂
Усл. печ. л. 3,13. Тираж 300 экз. Заказ N 379

Отпечатано с готовых файлов
в СПУ «МиГ»
г. Пермь, ул. Попова, 9

А91 Астафьевские (детско-юношеские) чтения.
Восьмые чтения (23 ноября – 3 декабря 2012 г.) – Пермь:
Издатель «И. Максарова», 2013, – 100 с.

УДК 821.0
ББК 83.3(2Рос-Рус) 6-8

«Духовное и нравственное становление человека. Мир детства в суровые времена» – такова тема 10-х юбилейных Астафьевских чтений, проведенных Мемориальным музеем-центром политических репрессий «Пермь-36» совместно с Государственной краевой универсальной библиотекой им. А. М. Горького и Центральной городской библиотекой им. А. С. Пушкина

Сборник адресован широкому кругу читателей: учащимся и студентам, литературоведам, историкам, преподавателям, библиотекарям, кому интересны жизнь и творчество В. П. Астафьева и не безразличны исторические судьбы России